

Андрей Кокоулин

Секретарь

Андрей Кокоулин

Секретарь

«Издательские решения»

Кокоулин А.

Секретарь / А. Кокоулин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962988-3

Роман. Городское фэнтези. Однажды Лёшка Сазонов увидел объявление в газете: «Господин Мёленбек ищет секретаря» и подумал, а вдруг он подойдёт? С этого всё и началось.

ISBN 978-5-44-962988-3

© Кокоулин А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	29
Глава 3	52
Глава 4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Секретарь

Андрей Кокоулин

© Андрей Кокоулин, 2019

ISBN 978-5-4496-2988-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Объявление было странным.

«Господин Мёленбек ищет секретаря (муж) на постоянную работу. Круглосуточно. Проживание и питание. Вознаграждение по собеседованию».

И ни телефона, ни адреса электронной почты.

Господин Мёленбек, похоже, не признавал ни того, ни другого, разместив нижней строчкой лишь короткое пояснение: «Шевцова, 33».

На Шевцова, 33 располагался бывший купеческий особняк, он же бывшая школа, бывший «Заготсбытснаб» и бывшее отделение Пенсионного фонда.

Это была южная оконечность города, после особняка дорога тянулась на несколько километров в никуда, к еще в советские времена заброшенному щебеночному комбинату, от которого, дай бог, один железный остов и остался. По сторонам от дороги в бесчисленных канавах и рытвинах стыли бетонные кольца и затхлая болотная вода, на взгорках пробивался ивняк, а метрах в ста пятидесяти на бесхозном кочковатом поле кособочилась щелястая сараюшка с провалившейся крышей.

Автобусы до Шевцова, 33, не доезжали, разворачиваясь кварталом раньше, и надо было идти мимо давно немытого фасада полудохлой швейной фабрики, а дальше – краем пыльного скверика, местами огороженного фигурной решеткой.

Жижа сразу сказал Лёшке, что это не вариант.

Жижа сказал, хрен знает, что за объявление, на лохов расчет, и фамилия – иностранная, иностранцы сейчас все скупают, суки, только нормальные вообще-то секретаршу заводят, а от приглашения секретаря голубизной за версту тянет. И еще это – «круглосуточно». Знаем мы, что за «круглосуточно» скрывается. И кофе в постель, и сама постель.

Жижа был нормальный пацан, только языком трепал много.

Лёшка, впрочем, и сам чего-то подобного опасался, но маманя насела так, что хоть с песней и в петлю. Талдычила с утра до ночи: когда работу найдешь? когда работу найдешь? Уже чуть ли не выгнать грозилась.

А тут и проживание, и питание. Все от мамани дальше.

Тем более, он же не слепой, все эти штучки голубины ему известны, шарфики там, пальцы холеные, улыбочки, коньячок, «а не присядете ли поближе». Фиг его извращенцы удержат. И отчитаться перед маманей будет чем, ездил, мол, искал.

Можно, конечно, было устроиться продавцом на рынок или в ларек, ему предлагал Сивый, но это же, блин, край, конечная остановка, чужой товар, чужие деньги, все мимо тебя. И так до старости. Ну, пиво халявное разве что.

А у Лёшки – голова.

Хитровыделанные мозги, как говорил отец еще в детстве. До седьмого класса его и в школе считали способным мальчиком. Особенно хвалили литераторша и историк. За воображение и смелость в импровизации. Первая была в восторге от сочинения по Тургеневу, второй держал за образец доклад по Древней Греции с ее богами, титанами и бедными жителями.

Затем...

Затем учеба потеряла смысл. Он полгода просидел с младшими сестрой и братом в своей комнатке, как в окопе. Маманя воевала с отцом, и взрывы ежевечерней ругани были сродни бомбежке. «Ты мне всю жизнь!..» – кричала маманя. «Все вы суки такие!..», – пьяно отвечал отец. То гремел, то затыкался телевизор. Что-то падало, разлеталось на кусочки. Маманя вскрикивала, отец рычал раненым медведем. Сосредоточенные атаки перетекали в панические отступления, минуты затишья сопровождались плачем и бубнежом: «Руку на кого... на кого руку...».

Внутри у Лёшки все натягивалось и дрожало, свою песню требовательно тянул мочевой пузырь, но выйти из комнаты в коридор, а оттуда в туалет было страшно до чертиков. Там бухали отцовские сапоги, там белели осколки разбитой жизни, там можно было увидеть, во что превращаются люди, жившие до того семьёй. Динка засыпала быстро, ей не было и шести, а Ромке было девять, и всю боль и страх Лёшка вымещал на нем.

Чтобы Ромка не ревел, он щипал его и душил подушкой. «Заткнись, заткнись!» – шипел он. Брат пытался сопротивляться, но Лёшка был сильнее. «Спи, спи, спи!». «Я маме пожалуюсь!» – глотал слезы Ромка. «Ей не до тебя», – отвечал Лёшка. И присовокуплял к ответу тычки и шлепки ладонями.

Это приносило облегчение.

Затем был развод, который оставил мамане сестру и Лёшку, а Ромку почти стер из их жизни. Они еще виделись, но как-то совсем коротко, то в кинотеатре, то в центральном городском сквере, то на рынке. Брат вытянулся, стал тощий, под глазами затемнели подозрительные круги. На вопросы, как там с отцом, Ромка, облизывая губы, отвечал, что нормально, он к нему в душу не лезет, денег дает, компьютер купил. И даже Ромкина учеба ему побоку.

Маманя пахала на двух работах.

Лёшка кое-как переполз из восьмого в девятый, Динка осенью должна была пойти во второй. В мире, в стране, в жизни людей все как-то устаканивалось; перебродив, поправлялись мозги, из души уходили черные краски, появлялись прыщи и смутные желания.

А еще хотелось денег.

У мамани они все были «под учет», лишней сотни не выпросишь, иногда приходилось занимать на пиво у Макарыча или у Жижи, а подработка попадалась все какая-то мелкая, стыдная, то флаеры раздавать, то чай фасовать. То есть, для совсем безголовых. Хотелось чего-то умного, финансовых комбинаций, хитрых ходов, холодной расчетливости. Блин, может быть, даже чего-то незаконного, афер, как в «Друзьях Оушена». Или как в «Уолл-стрит». Эх, Лёшка часто представлял себя Чарли Шином в этом фильме.

Но секретарем, в сущности, устроиться тоже было бы не плохо.

Бывший купеческий особняк отгораживался от улицы жестяными листами, покрашенными в тошнотворный зеленый цвет. На свежую краску прилипли листья, травинки, грязь и застыли шершавыми узорами. Решетчатые ворота открывались внутрь. Во дворе было пусто, потрескавшаяся бетонная дорожка вела мимо спиленных тополей к низкому крыльцу под покосившимся фронтоном-козырьком. Фронтон держался на двух облупленных колоннах. Одна была разрисована граффити.

Да уж... То ли господин Мёленбек не считал нужным уделять внимание внешнему виду (хотя иностранец же!), то ли только что въехал.

Или просто жмот, подумал Лёшка.

У крыльца стояла урна, и он выплюнул туда жвачку. Затем пригладил волосы, осмотрел рукава куртки – вроде чистые, нагнувшись, отряхнул штанины. Кажется...

Лёшка замер, едва начав разгибаться.

У края нижней ступеньки, спрятавшись за булыжник, лежала костяная пластинка – полукруг, изрезанный значками, размером с две фаланги пальца.

Когда Лёшка поднял её, оказалось, что у пластинки есть выступ, в котором просверлены дырки для ношения на шнурке или на цепочке.

Амулет? Медальон?

Значки бежали по дуге с обеих сторон, непонятные, полустёртые, частью похожие на скандинавские руны, а частью – на древнерусские буквы.

Лёшке сразу подумалось, что это что-то морское, северное, может быть, самого Мёленбека, фамилия-то подходящая. Кость желтоватая, наверное, бивень моржовый или там ещё

что. Вполне возможно, что предки нынешнего хозяина особняка ходили в море на промысел. На драккарах. Нет, на кноррах.

Лёшка сунул пластинку в карман.

Если господин Мёленбек скажет, что потерял дорогую вещь, Лёшка, так и быть, отдаст ему костяшку. Покажет, что честный и все такое. А если не скажет, то мало ли кто обронил. А вдруг – ценная вещь? Тогда и самим пригодится.

Лёшка взлетел на крыльцо, вытер ноги о тряпку, растянутую у порога, и постучал в дверь. Тоже вот, звонок не удосужились подвести.

Он подождал, пытаясь расслышать шаги.

Холодок скользнул между лопаток к шее. Страшновато. А ну как скажут, иди, мол, мальчик, отсюда, нам дети, типа, не нужны.

И плевать, что в объявлении ни фиги про возраст не сказано.

Лёшка выдохнул и потер вспотевшие ладони о джинсы. Он, может, как раз по возрасту и годится. Психика гибкая, голова ясная.

Он заметил мазок грязи на кроссовке, оттер его, а когда поднял глаза, увидел перед собой мужчину лет пятидесяти, бородатого, полнощекого, в странном, похожем на камзол коричневом платье с шитьем золотой нитью по вороту. На ногах у мужчины были коричневые же панталоны, белые гольфы и черные туфли с пряжками, на пальцах – кольца и перстни, с уха свисала цепочка с моноклем.

Оригинально, подумал Лёшка.

– Здравствуйте, – сказал мужчина, слегка налегая на «а».

Он чуть сдвинул густые брови, ожидая ответной реакции.

– А-а... Здравсьте, – Лёшка протянул руку. – Я по объявлению.

– Да? – Мужчина с сомнением посмотрел на Лёшкину ладонь. – Что ж, прошу.

Он отступил, пропуская юношу в дом.

Лёшка еще раз вытер ноги и ступил в бывший купеческий особняк. Мужчина бесшумно закрыл за ним дверь. Звонко щелкнул замок.

Лёшка явно застал то ли ремонт, то ли приготовления к нему. Стены прихожей были ободраны до штукатурки, кое-где еще висели клочья серых обоев. Стояли заляпанные краской козлы. На деревянной, похожей на самодельную вешалке одиноко висел синий халат. На вытертом линолеуме расплывались следы сапог гигантского размера.

Всему этому стыдливо подмигивала из-под потолка маломощная лампочка.

– Электричество, – указывая на лампочку, с непонятным значением произнес мужчина. – Прошу за мной.

– Кроссовки снимать? – спросил Лёшка.

– Не надо.

И опять длинная, театральная «а».

За прихожей открылся разбегающийся двумя рукавами в стороны коридор в стенных панелях и пластиковых коробах. Светили плафоны. Прямо напротив входа поблескивали стеклянными вставками раздвижные створки, но Лёшкин проводник уверенно свернул направо, затем налево и остановился у массивной двери, которая по одному виду тянула тысяч на тридцать.

С резьбой. С завитушками. С металлическим кольцом в центре.

Мужчина покопался в камзоле, выудил ключ, напомнивший Лёшке ключ черепахи Тортиллы, и, сдвинув незаметный язычок, вонзил ключ в прорезь.

Поворот – и внутри двери ожил хрипящий и жужжащий механизм, раздалось несколько щелчков, объявляющих освобождение пазов от засовов, затем появилась щель, которую мужчина, надавив плечом, тут же превратил в полноценный проем.

– Садитесь на стул.

Лёшка кивнул.

Помещение, в которое они вошли, блестело лакированным деревом. Лёшка такими и представлял себе настоящие кабинеты. Приглушенный свет, массивный стол, кресло с высокой спинкой, лампа под прозрачным абажуром, плотно зашторенные окна и коричневый с желтым мохнатый ковер на полу. Стены из темных деревянных плашек и светлых резных панно. Кушетка коричневой кожи. Бюро.

Маленький, почти детский раскладной стульчик, поставленный в центре комнаты, совершенно выбивался из общего стиля.

Мужчина пошевелил шторы, поправил подушечку на кушетке и забрался за стол. Открывая и закрывая ящички, он смотрел, как Лёшка пытается приспособиться на узком сиденьи.

– Вы имеете представление о профессии секретаря? – спросил мужчина.

– Конечно, – кивнул, замерев, Лёшка. – Записывать, назначать или отменять встречи, организовывать этот... рабочий процесс.

Мужчина пригладил бороду.

Кресло под ним скрипнуло. Он включил лампу, шурясь, повозил по столешнице ногтями, затем принялся перекладывать выставленные на стол предметы. Предметов было много, при перемещении они непонятно стукали, звякали, шуршали, серебряно поблескивали и даже скрипели. Наконец мужчина удовлетворился наведенным порядком среди вещей и поднял на Лёшку глаза.

– Я – Солье Мёленбек, – сказал он. – И я несколько иное понимаю под словом «секретарь». Мне нужен не просто человек с памятью или организаторскими способностями, мне нужен человек, умеющий хранить секреты.

– Я могу, – сказал Лёшка, чувствуя сухость в горле, – я умею хранить секреты.

Мёленбек снова что-то переставил на столе.

– Вы уверены?

– Уверен, – кивнул Лёшка. – Были случаи.

– Какие? – спросил Мёленбек.

Он встал из кресла и, обогнув стол, остановился в метре от юноши.

– Ну, – сказал Лёшка, – я не выдал Жижу... то есть, Женьку Журавского, приятеля, когда он разбил окно...

– И все?

Мёленбек смотрел с живым интересом. В правой руке его появилась тонкая, метровой длины трость, обжатая металлическими кольцами.

Лёшка моргнул.

– Было ещё. Мне только сразу не вспомнить.

– Как меня зовут?

Наконечник трости уперся соискателю вакансии в грудь. Кажется, он был даже обит заостренным железом.

– Солье Мёленбек, – сказал Лёшка, чуть морщась.

Мужчина улыбнулся, но глаза его, черные, слегка навывкате, остались холодны.

Трость ушла в сторону, металлические кольца поймали отблеск лампы, а выскользнувший из трости клинок, сверкнув, прикоснулся кончиком к Лёшкиной шее.

– Спрошу еще раз, – сказал Мёленбек. – Как меня зовут?

Лёшка свёл глаза, разглядывая тонкую полоску стали, протянувшуюся от руки владельца бывшего купеческого особняка, к нему под подбородок.

Сейчас как порежет сонную, подумалось ему, и ага...

В животе сделалось холодно и пусто. Там, где лезвие прикасалось к коже, кажется, уже закровило – чудилась струйка, сбегаящая за ворот рубашки.

Сглотнёшь – и труп.

– Солье Мёленбек, – выдавил Лёшка одними губами.

Мёленбек чуть сощурился, повёл носом и убрал клинок обратно в трость. Движение получилось ловкое, отработанное. Вжик! – и шею под подбородком уже колет лишь фантомное острие.

– Вот видите, – сказал Мёленбек, с ленивой грацией возвращаясь за стол, – вы дважды выдали мое имя и предали своего приятеля.

– Так вы же сами...

Лёшка привстал со стула.

Вон они как работают! Сначала спрашивают, а потом в ответы по макушку макают. Он потрогал шею – крови не было.

– Вы ещё слишком неопытны, молодой человек, – сказал Мёленбек, вновь занявшись передвижением предметов. – Думаю, вам стоит попытаться удачи в другом месте.

Урод, подумал Лёшка.

– Так это значит, не подхожу? – выпрямился он.

– Мне кажется, у вас нет достаточных способностей.

Лёшка сунул руки в карманы куртки.

– Знаете... – Пальцы его вдруг нащупали костяной полукруг. – Вы, наверное, всё теряете. Сейчас, может быть, вы теряете хорошего работника.

Мёленбек кивнул, не отрывая глаз от своих игрушек.

– Будете выходить, наглый мальчишка, не забудьте по сильнее хлопнуть дверью, – сказал он скучным голосом.

– А еще, – Лёшка куснул губу, – это тоже, наверное, ваша потеря.

Шагнув к столу, он бухнул пластинку между похожим на горный хрусталь темным кристаллом и оплавленной оловянной фигуркой, отдаленно напоминающей человеческую.

– Молодой че... – возмутился было мужчина, но на полуслове умолк, и Лёшка, уже развернувшийся к двери, озадаченно наклонил голову.

– Откуда? – услышал вдруг он.

В голосе Мёленбека скользила взволнованная хрипотца. А вот фиг, мы уже учёные. Лёшка крутнулся на каблук.

– Секрет.

– Подойдите, – сказал Мёленбек.

Лёшка, сутулясь и шмыгая носом, подошёл.

– Возьмите хельманне в руку.

– Что?

Взгляд Мёленбека стал напряжённым.

– То, что положили на стол, возьмите обратно в ладонь.

– Это не ваше?

– Просто возьмите.

Лёшка шевельнул плечом.

Пальцы, помедлив, сошлись на пластинке, подхватили её. Она оказалась тёплой. Мёленбек чего-то ждал.

– Что? – спросил Лёшка.

– Сожмите, – попросил Мёленбек.

Лёшка сжал.

– Как думаете, – наклонил голову Мёленбек, – кому мог принадлежать данный предмет?

– Моряку. Или китобою.

– Хм... Как вас зовут?

– Алексей. Алексей Сазонов.

– Хорошо, Алексей, соберитесь. Если хотите получить работу секретаря, постарайтесь представить этого человека, – сказал Мёленбек и откинулся в кресле.

В глазу его появился монокль, ладони вцепились в подлокотники. Стеклышко монокля преломило золотой ламповый свет.

– Вы серьёзно? – спросил Лёшка.

Мёленбек кивнул – голова у него словно по ниточке прошла вниз и вверх.

– Ну, я, конечно, могу...

Лёшка закрыл глаза.

Уж за воображение-то он был спокоен. Если бы в жизни нужно было только воображать! Сила мысли – это вам не какое-то там...

Итак. Владелец хиль... хель... костяшки, в общем.

Лёшка подышал, настраиваясь. В муаровой темноте за веками почему-то возникли седые усы и запорхали себе бабочками. Бяк-бяк, бяк-бяк. Вполне самостоятельные усы. Живые, воздушные. Только что с ними делать? Нужно-то лицо.

Лёшка напрягся. Если, допустим, представить китобоя...

К усам почему-то тут же добавилась борода, похожая на бороду Мёленбека, и запорхала с усами уже дуэтом. Тьфу!

Север, холодно, люди ходят... э-э... в шкурах. В парках ходят! С меховыми капюшонами!

– Алексей, – раздался какой-то натужный голос Мёленбека, – пожалуйста, опишите мне...

– Сейчас.

Лёшка сжал пластинку крепче. Подушечка пальца поползла по значкам. Неровности резьбы цеплялись за кожу.

Лицо, неожиданно проявившееся на внутренней стороне век, продержалось долю секунды и погасло. Оно было болезненно-худое, небритое, и показалось почему-то лицом мертвеца. Серовато-зеленым.

Лёшка обнаружил вдруг, что дрожит.

– Алексей, – напомнил о себе Мёленбек.

– Да-да.

Лёшка отёр вспотевшую ладонь о бедро, перевернул костяшку. Лицо всплыло снова, и его удалось рассмотреть подробнее. Глаза теперь были раскрыты, и они оказались мутновато-серые, колючие.

– Это человек, мужчина лет сорока, – заговорил Лёшка. – Худой, щеки это... втянутые. Скулы видны. Нос узкий, такой... костистый, что ли. Волосы чёрные, жесткие. Глаза серые, небольшие. На правой щеке шрам, почти до носа. Словно саблей пришлось, горизонтально. Одно ухо какое-то неправильное. Может, обрезанное? На плече... значок-татуировка, то ли птица, то ли змея на лапах.

– Штессан, – выдохнул Мёленбек.

Лёшке почудилось, что воздух в кабинете колыхнулся, карнизные кольца жалобно звякнули, а сквозь шторы плеснуло солнцем.

Он осторожно разожмурился.

Маленьким золотым кружком сиял из глубины кресла монокль. Но вот мужчина пошевелился, и монокль погас.

Подавшийся к столу Мёленбек был бледен, борода казалась мокрой. И дышал он косым ртом неровно, со всхлипами, словно до того из всех сил сдерживал дыхание.

– Хорошо... хорошо... – взгляд его медленно прояснялся. – Ты можешь идти, Алексей.

– Не угадал, да?

Поджав губы, Лёшка понёс пластинку к столу.

– Нет, – выставил ладонь, проскользив рукой по столешнице Мёленбек, – оставь хельманне себе, это теперь твоё.

Голос его был устал.

– До свиданья, – сказал Лёшка.

Надо было вообще наврать, подумалось ему. Типа, нос орлиный, одноглазый. Хромой. Всё равно бы не прокатило.

Костяшку дал...

Он окинул кабинет взглядом. Хорошо тут, наверное, задницу просиживать. Потолок вон весь в этих... в лепнине. Сел, поплёвываешь.

Ну и ладно.

– Алексей, – произнёс Мёленбек, когда Лёшка уже взялся за дверную ручку, – завтра... жду тебя в девять утра.

Лёшка не поверил своим ушам.

– Вы серьёзно?

– Иди уже. Да.

– Так я взят?

– Взят.

– А зарплата?

– Завтра, – сказал Мёленбек, – завтра обговорим.

Он показался Лёшке обессиленным.

– А у вас...

– Иди, – разозлился Мёленбек. – Или я передумаю.

И Лёшка поспешил хлопнуть дверью.

Уже снаружи, за зелеными листьями ограды радость прорвалась наружу, и новоиспеченный секретарь замолотил руками по воздуху, несколько раз подпрыгнул и проорал: «А-а-а!». Далекий прохожий на перпендикулярной Шевцова улице Гусака обернулся и, наверное, хмыкнув, продолжил идти по своим делам.

Мало ли сумасшедших?

Пыльный скверик распахнул объятия. Лёшка по тропинке обогнул тёмный пруд, под ноги попала пластиковая бутылка, и, конечно же, понесся футбол. Рамос на Иньесту, Иньеста в край на Роналду, немного не точно, но на пути встало дерево, это, извините, помог судья, теперь обратно, ага, Роналду на Ибрагимовича, Ибра грудью скидывает на Иско...

Шар-рах!

Бутылка, срикошетив, улетела в сторону.

Оле-оле! Это Алексей Сазонов от души приложился к мячу и забил победный гол! Какое будущее у парня, какое будущее! Это же прямая дорога в секретари!

Лёшка, хохотнув, достал костяшку.

Хельманне. Он поводит пальцем по значкам. Ножом вырезали? Надо будет по интернету проверить. Наверное, что-то вроде нэчке японских. Только норвежское. Или шведское. Или еще чьё-то. Датское.

И мамане позвонить.

Лёшка затолкал хельманне поглубже в карман джинсов, а из нагрудного курточного извлек простенький мобильник.

Ничего, скоро он себе нокию купит. Или айфон.

Все сдохнут от зависти. Даже Сивый со своим навороченным «китайцем», который и швец, и жнец, и телевизор.

– Мам, привет.

– Да?

Голос мамани был насторожен. Лёшка в последнее время только деньги клячил. Наверное, она думает, что он и сейчас позвонил по этому поводу.

Интересно, сколько Мёленбек платить будет?

– Да? – повторила маманя. – Алексей, не молчи.

Лёшка взъерошил волосы на макушке и выпалил:

– Мам, я на работу устроился.

– Что? Когда?

– Сегодня. Я уже собеседование прошёл.

Лёшка выбрался из скверика и мимо серо-желтого фабричного корпуса зашагал к остановке.

– Какое собеседование?

– Обычное. По объявлению.

– Погоди-погоди, – растерялась маманя. – Это где? Как?

– Всё, не кипешуй, – Лёшка подпустил в голос взрослости. – Вечером всё расскажу. Там, вполне возможно, что с жильем и питанием.

– А сколько... – попыталась выяснить маманя.

Но Лёшка сказал:

– Вечером, – и отрубил связь.

Полчаса тряски в старом автобусе, пропахшем козлом и разогретым металлом, и – здравствуй, родной микрорайон. Типовые девятиэтажки, поликлиника, забегаловка-павильон «Аист», ржавые задницы гаражей.

Сквозь зелень посаженных во дворе лип проглядывало солнце, ещё не жаркое, весеннее. Неделя до лета, а оно все никак не могло раскошегариться. Пора бы.

В небе медленно таял инверсионный след.

Жижа сидел на скамейке у подъезда с ярко горящей надписью «Игровые автоматы» и считал мелочь. Всей мелочи было четыре монеты. Что там считать?

– Хай, – сказал Лёшка.

– А-а, ты, – оторвал взгляд от ладони Жижа. – Как твоё ничего?

Они стукнулись кулаками.

Жижа, то есть, Женька Журавский, парнем был высоким и пухлым. А еще медлительным и непрошибаемо спокойным. Из-за комплекции и склада характера его сначала звали Слоном, а когда он отрастил длинные волосы, то Мамонтом.

«Жижа» была кличка только для своих, которыми Женька признавал лишь Тёмку Гладилина да вот Лёшку.

– Съездил я на Шевцова, – сказал Лёшка.

– И как? – Жижа аккуратно сложил монеты в карман куртки.

Лёшка выдержал драматургическую паузу. Тьфу, блин, драматическую. На Жижу она, впрочем, не подействовала. Мамонт, он мамонт и есть. Толстокожий. Женька спокойно лупал глазами и ждал.

Пантомима, ага.

– Взяли, – сказал Лёшка.

– Чего-о? – не поверил Жижа.

– Того, – Лёшка подвинул приятеля на скамейке и сел. – И штуку одну дали.

– В смысле, тысячу? Всего-то!

– В смысле, вот.

Лёшка раскрыл ладонь с пластинкой.

– Что за хрень? – склонился Жижа, разглядывая. – Кость, да?

– Малая берцовая.

– Я серьёзно.

– Не знаю. Думаю, моржовый клык.

– Народное творчество. Резьба.

Жижа подцепил хельманне толстыми пальцами. Помял, пошкрябал грязным ногтем, понюхал и даже – Лёшка скривился – лизнул.

– Точно, кость. Слушай, – загорелся Жижа, – может, это как в фильме про эти, блин... такие костяные фигурки редкие.

– Нэцке?

– Во-во. Представь, сколько такая штука стоит.

Лёшка забрал хельманне из рук Жижи.

– Ага, так мне с панталыку её и отдали.

– Ну, отдали же. А этот... работодатель – нормальный? Иностранец?

– Получше нас русский знает. Но какой-то... – Лёшка вспомнил уколовший шею клинок. – В общем, со странностями. В камзоле ходит.

– Хе, у них у всех бзики, кто богатые. Когда денег много, можно и в камзоле ходить. И голым тоже можно. У меня вон батя вечно в трусах по квартире ходит.

– Он у тебя богатый?

– В том-то и дело, что нет, – помрачнел приятель.

Они помолчали.

Говорить вроде и не о чём больше. Фильмов нормальных в торрентах не прибавилось. В игры Жижа не играл, ни в «Старкрафт», ни в «Баттлу». До футбола ещё четыре дня.

– Ну, ладно, почапал я домой, – поднялся Лёшка.

– Ага, – ссутулился Женька. Шмыгнул носом. – У тебя сотки нет? До пятницы.

Взгляд его стал просительным.

Сотенная у Лёшки была. Но Жижины «до пятницы» вовсе не означали именно до пятницы, по крайней мере, это могла быть и следующая пятница, и пятница через месяц, а там или долг забудут, или сам Жижа забудет, попробуй его переубеди, что занимал.

И все же врать Лёшка не стал.

– Есть, – сказал он. – Но это на телефон бросить надо.

– А-а, – протянул Жижа, – телефон – это святое. У самого четыре рэ на счету. Ладно, бывай.

Они снова стукнулись кулаками.

Лёшка проскочил перед тормознувшим «опелем» к ограде какого-то раскопа с трубами, затем по мостику перебрался к своей девятиэтажке.

Сестру он застал захлопывающей квартирную дверь.

Рядом с ней пританцовывала такая же плотненькая, невысокая подружка, то ли Катя, то ли Люба. Браслетики, резинки, шапочка с пумпоном.

– Эй-эй, – поймал Динку Лёшка, – ты куда это?

– Гошу кормить!

– Какого Гошу?

– Морскую свинку, тупой!

– Чего?

– Тупой!

Сестра вырвалась, показала язык, и они с подружкой, крича: «Сдрисни, сдрисни навсегда!», побежали вниз по лестнице. В щель между пролётами было видно, как мелкают курточ-ные фиолетовый и темно-синий рукава.

Шмакодзявка.

Лёшка открыл дверь, прямо в ботинках (вроде ж чистые) прошлепал на кухню. Кастрюля с супом стояла на плите, правда, уже чуть тёплая.

Динка, как всегда, поев, посуду за собой не вымыла, бросила грязную тарелку в раковину, где уже дожидались воды и губки два стакана из-под томатного сока, блюдо, салатница и штук пять ложек.

Стрекоза, блин. По ушам надавать.

Лёшка зажег конфорку под кастрюлей, сбросил куртку на свободный стул, достал и нарезал хлеб. Хлеб кончился, после нарезки осталась лишь толстая горбушка, сунутая обратно в хлебницу. И всё. Надо было Динке сказать, чтоб сбегала. На свинку у неё, видите ли, время есть, а на домашнюю работу...

Лёшка подступил к окну. Во дворе было пусто. По телефону что ли набрать? Впрочем, ему-то хватит. Остальные должны думать своей головой, хотя бы они хлеба или нет. Он им не нанимался вообще-то.

Под клекот закипающего супа Лёшка сходил в туалет, затем в прихожей наконец освободился от обуви. Синий носок на правой ноге прорвался. Большой палец с желтоватым ногтем застенчиво выглянул в дыру.

Ну и фиг с ним. Лёшка пошевелил пальцем. Это путь к свободе.

Супа он набухал себе целую миску, пол-кастрюли не пол-кастрюли, но около трети точно поместилось. От супа пошел одуряющий жирный пар. Упаковка сметаны из холодильника лишилась сначала ярлычка из фольги, а затем и уместившегося на ложку содержимого. Теперь кусманчик сливочного масла...

Глотая слюну, Лёшка плюхнул сметану, размешал. По побелевшей поверхности супа поплыли масляные кружки, со дна поднялись и затонули кубики картофеля, мясные волокна, вермишелины и дольки обжаренного лука.

Сейчас бы, конечно, ещё кинцо какое-нибудь забойное.

Несколько секунд Лёшка раздумывал, не пойти ли с миской в большую комнату, к телевизору, но потом решил не заморачиваться. Это ж стул туда притащи, хлеб на блюде положи, для блюда ещё маленькую табуреточку притарань. Ковёр, блин, не заляпай.

Ах-х! Первая ложка обожгла горло, вкусовым залпом выстрелила в язык и в небо, прокатилась, провалилась в желудок. Взорвалась теплом!

Шрапнелины пота проступили на лбу.

Уф-ф! Лёшка выдохнул, выложил хельманне и, глядя на вырезанные значки, уработал суп в какие-то пять минут.

Суп – хлеб, хлеб – суп.

В значках виделись странные слова. «Гку» и мягкий знак на конце. «Ако» с перевернутой на другой бок «к». «Хизм» с латинской «и». И то ещё как читать.

Осоловев, он погонял ложкой одинокий картофельный кубик по эмали и отодвинул миску. Всё, не лезет. Живот раздулся, как барабан. Жизнь хороша, и жить хорошо. Сейчас бы всё это запить сладеньким...

Да, и в интернет выйти.

Лёшка выполз из-за стола, брякнул миску в раковину (Динка не вымыла, и он не будет), включил электрический чайник и поплелся в свою комнату.

После развода сестра с маманей стали спать в зале, а детская на законных основаниях отошла к нему. На двери комнаты висел календарь с Кобейном за прошлый год. Над Кобейном выгибались вырезанные по трафарету буквы. «Mans territory».

Стильно. Ясно чьё.

Шкаф светлого дерева встретил Лёшку на входе. Пара расшатанных стульев, жмущихся к стене по другую сторону, приняли футболку. Кровать. Продавленное кресло. Заваленная к окну пирамида книжных полок. Это ж с ума сойти, как они с Динкой и Ромкой умещались здесь втроем. Спали у друг друга на головах.

Лёшка прилег на кровать, уставясь сонным взглядом в стену над полками. Обои надо, конечно, менять. Что-то они своей убогостью вызывают лишь рвотные позывы. Цветочки, блин. То ли дело в углу с компьютерным столом – все заклеено плакатами «Металлики», Мэнсона и «Агаты Кристи», заплетено проводами, и колонки висящие классно смотрятся.

Он икнул.

Телефон вывалился из заднего кармана. Ха-ха, лишнее из организма выходит. Кстати... Лёшка лениво полистал контакты в меню телефона. Чтобы выбрался нужный, пришлось дважды надавить на кнопку. Дерьмо уже, а не мобила, не сразу даже срабатывает.

Первым делом – новую.

– Алло, Тёмка, ты онлайн?

В ухо ударил какой-то inferнальный рёв, затем рёв перекрыл выстрел из дробовика, звякнули гильзы.

– Кто? – спросила мобила напряженным голосом.

– Лёшка Сазонов. Ты от кого там отстреливаешься?

– Не поверишь, набежало тварей...

Несколько секунд телефон гремел взрывами, хрипел, шипел и выпускал грохочущие очереди в пространство.

– Умри, сдохни тварь! – крикнул кому-то Тёмка, затем простонал и сказал уже в трубку: – Всё, мочканули меня. Чего тебе, браза?

– Вопрос есть, – сказал Лёшка. – Про хельманне что-нибудь слышал?

– По буквам, браза, по буквам.

– Хель-ман-не.

Тёмка хохотнул.

– Фигня – вопрос. Хелл – ад. Мани – деньги. В общем, адские деньги. Учи английский, браза.

– Достал ты со своим бразой. Это костяшка такая. Полукруглая. На деньги не тянет. И говорится не так. Е на конце.

– О, ну так выйди в сеть, злобный браза, и посмотри. У меня здесь ад и демоны, – сказал Тёмка и отключился.

Друг называется.

Лёшка с великой неохотой покинул кровать и перебрался за стол. От нажатия кнопки старенький компьютер загудел, словно пошёл на взлёт. Монитор выдал настройки биоса. Лёшка подпёр щеку ладонью. Блин, сейчас ждать ещё пока разогреется.

Он выгреб бумажки из-под клавиатуры, которых что-то много скопилось за две недели. Ряд цифр – код к демке, не поймешь уже какой. Оставить? Выкинуть? Лёшка скривился. Ладно, пусть полежит ещё. Каракули, в которых можно разобрать лишь «перья ястреба» и «прах» – это, кажется, рецепт из «Скайрима». «Скайрим» он, впрочем, уже удалил. Ходишь, бродишь, бред какой-то. Ну, рецепт... Лёшка скомкал бумажку. Адью.

Экран, мигнув, выдал полоску виндовской загрузки.

Давай, давай, тормозуха. Так. На следующей бумажке были записаны несколько чисел в столбик. Сумма набегала под двадцать с лишним тысяч. Что за сумма? Откуда? Ещё тысяча зачеркнута. А-а, Лёшка шлёпнул себя по лбу, это он как раз конфигурацию нового компа прикидывал, на замену кряхтящему сейчас драндулету. Видеокарточка, оперативка в четыре гига, блок питания пятисотваттовый.

– Эй, драндулет, – щёлкнул ногтем Лёшка по потемневшему экрану.

Помедлив, тот осветился снова – и серо-стальной имперский дирижабль с белеющей под брюхом гондолой поплыл заставкой рабочего стола. На цельнометаллическом, усеянном заклепками каркасе с мелодичным звуком возникли разноцветные ярлычки программ и приложений.

Дирижабль звался «Das Reich».

Эх, Лёшка не отказался бы от полёта на таком монстре. Стильные обводы, простота и целеустремленность. Моща!

Ладно. Бумажки – в сторону, он их после досмотрит.

Вызов окошка интернет-соединения, заедающей «мышкой» курсор на кнопку «соединить», нажимаем, проверка пароля-пользователя, поехали.

Файрфокс автоматом загрузил страницу с торрент-сайтом.

Лёшка пробежал взглядом столбик свежих и относительно свежих релизов. Какая-то лажа всё. Кто-то от шибкого ума ещё додумался разом штук десять аудиокниг выложить. Так они и шли, Достоевский за Шолоховым, Пьюзо за Хейли, Сара... Сарамано за Толстым. В столбик. И ведь качают эту фигню...

Так, новая страница.

Лёшка забил «хельманне» в строку поиска. Ввод. Побежала по кругу полоска обработки запроса. Ждём-с.

Скорость интернета была аховая, маманя раскошелилась лишь на минимальный тариф, и то он месяца два упрашивал. Ещё и провайдер попалсядохлый, то есть связь, то нет, фиг ли, на таком тарифе. Ничего-ничего, прищурился на медлительную полосу Лёшка, будет и на его улице праздник.

О-па! Вниз экрана наконец-то поползли ссылки.

Увы, «хельманне» в длинном списке не было. Зато присутствовали Хуан Хельман, аргентинский поэт, Мартин Хеллман, американский криптограф, и писательница Лилиан Хеллман. Ещё имелся майонез Хеллман, логистическая контора, алгоритм и, кажется, модельер.

Похоже, о костяшке никто ничего не знал.

Лёшка поменял поисковик, но и в «яндексе», и в «бинге» с «хельманне» было туго. Может он все-таки расслышал не так? Да нет, с дикцией у господина Мёленбека всё было в порядке. Хельманне. Это не жи-ши и не «парашют» какой...

А камзол, конечно, на дядечке чудной, подумалось ему, словно из шестнадцатого или семнадцатого века. Тронуться можно, если господин Мёленбек в таком платье на автобусе в центр ездит. Впрочем, вряд ли он пользуется общественным транспортом. Люди его типа передвигаются исключительно на представительских авто. «Ягуар», мерс эс-класса, бэха седьмая.

Правда, даже разбитой «лады» ни во дворе особняка, ни на обочине у ограды замечено всё-таки не было.

Лёшка поколупал на мониторе застывшую каплю кофе. Интересно, конечно, чем дядечка занимается. И что ему нужно в нашем городке, какой-такой бизнес. Вдруг получится в долю войти? Тем более, мужик, видно, серьёзный. Холодное оружие имеет.

Лёшке вспомнился блеск легко извлечённой из трости шпаги. Рука сама потянулась к горлу. Ощупала – даже царапины нет. Кстати...

Он забил в строку поиска «Мёленбек».

Через минуту оказалось, что название Мёленбек носят несколько городков и деревенок Германии и Бельгии, а также два футбольных клуба, только с «о» вместо «ё» – Моленбек. Голяк, в общем. Наверное, если и есть информация о Мёленбеке и хельманне, то не всякому хрену с горы она доступна. А кто надо, тот знает.

Лёшка зевнул. От вглядывания в мелкие буковки на мониторе стало здорово клонить в сон. Он переполз обратно на кровать. В сонном мозгу закрутилось: хорошо бы тысяч пятнадцать для начала получать, а потом и двадцать. И через месяц прибавки попросить. Наверное уж не обувью с нашей обувной фабрики торговать будем.

Конечно, если костяшками, то ну его нафиг. Костяшки, блин, счастья.

Задремать получилось всего на час – Динка, видимо, досыта накормив свинку Гошу (чтоб он лопнул!), вернулась домой и на полную громкость врубила телевизор.

– Посмотри, какая у меня скорость!

Мультики.

Феи. Пони. Лилипуты. Говорящие медведи, пингвины и дельфины. Плюс Винни Пух. Спасибо милым кабельным каналам.

– Это я просто пошутила!

Лёшка нахлобучил на голову подушку, но тоненькие голоса персонажей сверлили мозг почище дрели. Он повернулся на один бок, на другой, вынырнув, посмотрел, закрыта ли дверь в комнату. Закрыта. Обить, что ли, звукоизоляцией?

Нет, не вытерпел.

– Ты, блин, малолетка! – Прошаркав в зал, Лёшка отвесил сестре подзатыльник. – Чё, глухая совсем?

Он вырвал пульт из пальцев у Динки и, давя на кнопки, убил звук в ноль.

– Дурак! Отдай! Там у Пинки Пай проблемы! – Динка заскакала вокруг него, пытаясь схватить за руку.

– Вмоешь посуду, отдам, – Лёшка сел на диван и переключил канал. – Поняла?

– Урод!

Динка неожиданно больно ударила его кулачком в живот.

– Блин! – рассердился Лёшка. – А если я так?

Он швырнул сестру в угол комнаты, к промятому креслу – только ноги мелькнули.

– И куртку сними.

– Сам сними!

Динка сложилась у кресла и заплакала.

Лёшка сделал вид, что подвывания его не касаются, и принялся гонять обеззвученные картинки. Комбайны. Площадь. Паучок на паутине. На душе было противно. Не, ну доводит же! Маленькая, маленькая, а костяшки острые. Сама сначала нарывается...

Он посопел.

– На свой пульт. Только звук убавь, ясно? Я вообще-то спал.

– А я знала?

Зарёванная Динка встала с пола и, всхлипывая, взяла пульт. Мутная слезинка, щекоча кожу, застыла на щеке. И не смахнет ведь.

– Но посуду вымоешь, – сказал Лёшка.

– Я уже вымыла давно!

Динка зло освободила одну руку из рукава. На экране телевизора вновь забегали разноцветные большеглазые пони.

– Что случилось?

– Нет времени объяснять...

От придурочных голосов Лёшка утопал на кухню. Карликовые лошади, казалось, напеваая, скакали по пятам. Очень хотели дружить.

Его миска лежала в раковине с девственным кантом, обозначающим изначальный уровень, по который был налит суп.

– Эй, что за дела? – крикнул Лёшка. – Ты не всё вымыла!

– Это твоё! – отозвалась из комнаты сестра.

Точно, блин, вырастет телезомби с понями в голове. Вот маманя намучается. А к посуде он принципиально даже пальцем не притронется. Не мужское.

Лёшка поискал глазами оставленное на столе хельманне.

Костяшки не было. Прикольно. Он заглянул под стол, охлопал куртку на стуле, подвигал сметану, солонку и сахарницу.

Так, он ел, значки рассматривал.

Лёшка крутнулся на пятках. У плиты нет, под крышкой, поварёшкой нет, в хлебнице нет. Куда ещё он мог засунуть?

В брюках... в брюках нет.

– Дина!

– Что?

– Где? – Он влетел в зал, сжав пальцы в кулаки. – Где костяшка?

– Какая?

– Блин! – Лёшка развернул сестру от телевизора. – Не ври мне! Лежала на столе.

– Такая желтоватая, как половинка монетки, с выступом? – прищурилась Динка.

– Сейчас как дам по лбу! – замахнулся Лёшка.

– Дурак! – Динка втянула голову в плечи. – Я же просто убедиться.

– Где она?

– Выкинула. В мусорное ведро.

– Какого же...

Лёшка кинулся обратно на кухню.

Мусорное ведро, вынутое из-под раковины, показало непрезентабельное нутро. Конфетные обёртки, комья спитого чая, мятые салфетки, сосисочный целлулоид, пустая упаковка из-под сока, картофельная шелуха.

Лёшка брезгливо отогнул жирную газетную страницу, перепачканную непонятно в чём. Смотри, не смотри – нет костяшки. Не на дно же Динка её затолкала? Хотя из вредности...

Наклонив ведро, он постучал по боку.

Мусор, мешаясь, перетёк. Мелькнул осколок разбитой маманей чашки. Остро пахло скисшим молоком.

– Блин!

Лёшка, передёрнувшись, швырнул ведро на место.

Руки – под струю горячей воды. Каплю «Фэйри» растереть, чтобы слабый яблочный запах напрочь перебил молочную кислятину.

Бэ-э-э. Так ведь и блевануть можно.

А была ли там вообще хельманне? Говнюшка, блин!

– Дина, убью сейчас!

Он появился в зале, злой, с мокрым лицом. С телевизора, казалось, за ним с интересом наблюдала фиолетовая пони.

Динка сунула руку в карман куртки.

– На!

Хельманне стукнула Лёшке в грудь и упала в ладони.

– А по балде? – подскочил он к сестре.

– А-а-а! – заныла Динка. – Я не думала, что это твоё!

Собираясь защищаться, она отклонилась и согнула толстенькие ноги в коленях. Серые, вытертые пятки колготок нацелились ему в живот.

Вот действительно дать бы ей!

Лёшка постоял над Динкой, медленно наливаясь злостью. Сестра жмурилась, ожидая экзекуции. Из-за одного этого скукоженного личика хотелось её ударить. Я же тупой, как она тут сказала. Значит, сила есть, а тупизна – пофиг.

Лёшка выдохнул, поймал Динку за ногу и скинул с дивана на пол.

– Мама! – пискнула та.

– Ещё раз, – наставил он на неё палец, – и мама тебе не поможет. Ясно?

– Дурак, – Динка осталась сидеть на полу. – Я всё расскажу.

– Давай-давай.

– Я тебя не боюсь.

– Неужели?

На Лёшкином лице появилась хищная улыбка. Он наклонился к Динке и шлёпнул ее ладонью по голове. Даже палец отбил о заколку.

Сестра снова заревела.

Это справедливо, подумал Лёшка, возвращаясь к себе в комнату. Она сама дура. Делает всё назло, а потом ревет!

Её пони, наверное, учили же не воровать?

Хельманне оказался измазан в одном месте шоколадом. Лёшка, поплевав, счистил пятно валявшимся на полу грязным носком. Ну вот, нормально. Он поискал глазами, куда бы засунуть костяшку – между книжек, на колонку или в шкаф. Тайники были сомнительные. Между книжек видно, в шкафу маманя вечно роется, прибираясь, да и вообще комната, пожалуй, не самое надежное место. Такие вещи, как и деньги, носить нужно на себе, во внутренних карманах или в поясной сумке.

Но в сумке, блин, тоже как напояк.

Лёшка выдвинул ящик стола, свалил туда бумажки. Был бы, конечно, у ящика замок... Ха, подумалось ему, чё я парюсь? Принесу на работу, оставлю там. Хрен кто возьмёт подарок хозяина. Сразу шпагой в горло!

Он повозил «мышкой» по коврику, выводя монитор из спящего режима. В «Баттлу» что ли погонять? Всё равно делать нечего. Сейчас вроде подтормаживать не должна, это вечером фиг на сервера пробьешься.

Или во двор? Взять на сотку пива, найти Жижу, потрепаться обо всём. Под пиво разговор лёгкий. Хотя сотку жалко, подкопить бы.

Эх, «Баттла»!

Тёмка-то, наверное, в «Дум» -третий рубится. Или в «Адские врата Лондона». Или в приставочную какую бредятину. Но круче командной баттловской зарубы все равно ничего нет. Не придумано просто.

Лёшка прислонил хельманне к основанию монитора – на удачу.

Режим «Assault». Свободный немецкий сервер. Зимняя карта. Ожидание. Понеслась!

До прихода мамани ему удалось набить под сотню фрагов, самому умереть раз семьдесят, одной гранатой прихлопнуть троих, проклясть неожиданный фриз и четырежды за заход шлепнуть одного и того же чела. Нереальный ржач! Лёшка подумал: во чел где-нибудь у себя в Германии бесится!

Маманя притаранила с работы торт, не бог весть какой, в смысле, местной кондитерской фабрики, но зато полуторакилограммовый. С розочками из крема.

Динка, конечно, сразу под крылышко и жаловаться, что и бил её Лёшка, и мультики смотреть не давал, и миску в раковине оставил. Банку варенья и бочку печенья ей за это. Ну и подзатыльник получит в будущем.

Маманя, впрочем, в этот раз спустила дело на тормозах, вздохнула только, посмотрела на Лёшку, притопавшего на кухню, взглядом «Когда ума наберёшься?». А он чё – морду кирпичом, плечами пожал, за стол сел и тарелку к тарту подвинул.

Затем и чайник вскипел.

Маманя торт нарезала, разложила. Динка сразу в крему умазалась, ну чистый Винни-Пух в гостях у Кролика. Сидит, лыбится.

Маманя позвякала ложечкой в стеклянной чашке. Чаинки взвихрились и осели.

– Ну, рассказывай. Куда взяли?

Лёшка как раз рот набил.

– На Феффова...

– Куда?

Лицо у мамани сделалось как мешком огретое. Морщинки прорезались. Одна, озабоченная, возникла над переносицей. Не поняла маманя Лёшкиных слов. Так тут ведь прожевать дать надо. И запить.

Протолкнув кусок в горло, Лёшка хлебнул чая.

– На Шевцова.

– Это на бывшую швейную? – всполошилась маманя. – Там разве что-то?.. Я думала, закрылась она. А кем взяли?

– Блин, мам! – раздражился Лёшка. – Что я, швея что ли? И нет там на фабрике никого!

– Швея! Швея! – показала пальцем Динка.

– А куда же? – растерялась маманя, механически шлепнув сестру по руке.

– В особняк. Где раньше контора была пенсионная.

– И что там?

– Не знаю, – сказал Лёшка. – Я по объявлению в «Горожанине» пришёл, там ремонт, мужик-иностранец в кабинете принимает, Мёленбек фамилия...

– Швед?

– Не понятно. Ну, он меня посмотрел и взял.

– Кем?

– Секретарём. Личным.

– Мама, мам, – заканючила Динка, – а дай салфетку, у меня все руки липкие...

– Дина, что ж ты такая... – маманя, привстав, выдернула белый бумажный квадратик с пластикового стаканчика. – Тебе уже надо самой...

Пока сестрины пальцы оттирались от крема, Лёшка дохочмячил свой кусман, и тот тяжело опустился в желудок. Уф! Добавить что ли? Правда, чая на самом дне. Кто нальёт? Встать как-то влом, честное слово.

– Ну, всё, – маманя отпустила Динкину руку, – беги.

– Я с вами хочу!

– Тогда молчи, – маманя погрозила Динке пальцем. – Лёш, что-то мне не верится. Как-то так сразу раз, и взяли.

– Блин, – сказал Лёшка, – ты же сама хотела, чтобы я устроился.

– Далеко... – маманя задумчиво подпёрла щеку ладонью, как-то странно посмотрела на Лёшку, улыбнулась вдруг. – Повзрослел.

– Я тогда второй кусман возьму? – спросил Лёшка и, не дожидаясь разрешения, полез к торту ложкой.

– А сколько платить будут?

– Завтра выясню. Думаю, прилично.

– У тебя ж опыта нет.

– Говорю же, что подошёл. Мёленбеку может такие, как я, и нужны. Я ж головастый. Там ещё, возможно, кормить будут и до выходных комнату дадут.

Маманя недоверчиво качнула головой.

– Какой-то счастливый билет.

– Ну! – сказал Лёшка.

– Так, – маманя хлопнула по столу ладонью. – С первой зарплаты половину на общее хозяйство.

– Ага, разбежался!

– Лёш, это не обсуждается. Тебе обувь нужна? За свет, за квартиру, за интернет твой как рассчитываться будем? А продукты? Ты думаешь, всё это из воздуха возникает?

– Это мама покупает! – крикнула Динка.

– Ага! – заорал в ответ Лёшка. – Накинулись! Раньше-то как-то справлялись! А тут стоило только сказать...

– Лёш, – примирительно произнесла маманя, – мне и так трудно...

– Ещё бы! Отца выперла!

Маманя моргнула.

– Лёш, что ты...

– Ничего, – Лёшка схватил блюдо с тортом. – Я у себя поем.

– И торт тоже мама купила! – крикнула Динка.

Защитница, блин.

Денег ещё нету, а они уже поделили – свет, газ, унитаз. Лёшка хлопнул дверью комнатки. У него вон – компьютер. Мобила в планах.

Уродство.

Было противно и тошно. Так и виделось, как маманя в конце, зажмурившись, склонилась над чашкой, а Динка, обнимая, прижалась к ней сбоку.

А ведь это ему как раз следовало бы обидеться!

Но женщинам же надо уступать, вперёд, вперёд, только после вас, сначала вы, потом мы, вы же слабый пол...

Лёшка куснул торт.

Сладость склеила губы и едва не вызвала спазм в горле. Чашка осталась на кухне, вода – там же, но хрен он туда потащится.

Ничего, можно и всухую. По крему проскользит.

Лёшка поглатывал липкую слюну, затем, давясь, доел торт. А вот назло! Чтобы знали, что он и без воды проживёт. И вообще без всего. Обижайтесь, сколько хотите, кисните себе на кухне. Ему это без разницы.

Отрыжка чуть не разорвала рот.

– Ыр-ра-а.

Лёшка вытер руки о лежащую на стуле футболку (всё равно не первой свежести) и снова забрался за компьютер. Прислушался, работает ли телевизор в большой комнате. Ну, понятно, работает. Ещё бы! Важно же показать, что он не прав, а потом можно и сериалы посмотреть дебильные, и новости.

Кривясь от сладости на языке, Лёшка проверил почту на мэйловском ящике. Кроме трех писем с «потрясающе выгодными предложениями только для Вас!» ничего на адрес не упало. Письма, блин, сразу «delete».

Зато в мэйл-агенте в статусе «онлайн» была Любка Добрянко, и Лёшка настучал ей на клавиатуре стандартное «Привет! Как дела?». Ответ пришёл быстро: «Всё норм. А у тебя?». Лёшка несколько секунд соображал, действительно ли Любке интересны его дела, затем написал: «Устроился на раб. Прощай шкл».

Любка долго не отвечала, поэтому Лёшка, почесав затылок, дописал: «Скрасишь вечер рабочего человека?». Он не то чтобы пылал к длинноногой рыжеволосой однокласснице какими-то чувствами, но... В общем, не отказался бы, да.

Кино. Кафе. Пососаться.

Глаза большие, губы классные, фигурка уже оформившаяся.

Минут пять он ждал сообщения, затем статус «онлайн» у Любки пропал. Ну, не очень-то и хотелось. С соткой – какое кино?

А вот завтра...

Нет, очень интересно, чем это можно заниматься в их городке, чтобы иметь своего секретаря? Лесом торговать? Оргтехниккой? Может, рядышком пройдёт федеральная трасса и надо успеть скупить земельные участки?

Вообще, наличие секретаря как бы подразумевает интенсивную деятельность. Встречи, разъезды, переговоры. Лёшка подумал, что с первых денег может быть придётся покупать деловой костюм. Джинсы и толстовка с образом секретаря, пожалуй, не вяжутся. Тут даже мобиль-

ник на второй месяц отодвигается. А ещё, блин, ботинки. Секретарь в костюме и кроссовках – вообще вынос мозга.

Не, мамане с первой зарплаты точно ничего не обломится. Разве что с третьей только. И то не половину, он за себя готов как раз третью часть отдать. А чё, справедливо, семья-то из трёх человек. Вдруг он и столоваться дома не будет.

Засада, конечно, если пахать придётся допоздна, прощайте тогда футбол, пиво, Жижа с Тёмычем, часы у компа. Впрочем, до этого ещё надо дожить. А то какая-то мрачная картинка рисуется. Хрен он перерабатывать за так будет!

Лёшка посидел на сайтах с приколами и анекдотами, засмотрел короткие смешные ролики с животными, поржал. Особенно с обезьян, катающихся на кабанах под «Погоню». Прикольно. Вот обезьянам житуха – чуть что, и на кабана. Нас, пожалуйста, вон до того баобаба. Эх, прокачу! Блин, из какого фильма фразочка?

Сладость одолела вконец.

Лёшка приоткрыл дверь и с грязным блюдцем прошёл в кухню. Маманя даже не обернулась, а Динка, лежащая в пижаме на разложенном и заправленном простыней диване, покрутила пальцем у виска.

– Рынки замерли в ожидании статистики из-за океана, – бубнил телевизор. На экране дикторшу в районе бёдер протыкала ось ординат. – Акции «голубых» фишек...

Ведь намертво въелось: ось абсцисс – ось ординат.

Миска из-под супа так и лежала в раковине немытая. Ну, всё, блин, холодная война. Напоказ оставили. Ну-ну.

Лёшка добавил к миске блюдце. А вот вам диверсионная закладка, мина.

Он потрогал тёплый бок чайника, отхлебнул через носик кипячёной воды, покатал её во рту, морщась от противного привкуса. Постоял, глядя сквозь занавесивший окно тюль в подсвеченный фонарями вечер.

И сдался.

Блин, достали! Он сцепил зубы и включил воду. Как будто я крайний! Понапридумывали обязанностей и сидят там, телевизор смотрят.

Ещё попросят меня, суки.

Лёшка от души пролил губку «фэйри», пожаткал и окунул руку в набравшую воды миску. Пена повалила как манка из сказочного горшка. Он повозил губкой по стенкам, хотя ни черта видно не было. Ну да ладно, пена умная, сама знает, что растворять, что нейтрализовывать. Ещё немного «фэйри» на блюдце, и тоже пусть жрёт.

Подождав секунд десять, Лёшка слил воду.

Почти чисто. Сполоснуть только. Он подставил миску под горячую струю. Повернуть одним боком, затем другим. Всё!

Руки – о брюки.

– За собой вымыто, – сообщил он, направляясь в свою комнату.

Маманя не ответила. И не посмотрела.

Лёшка нарочито громко хлопнул дверью. Ну и отвалите все. Он плюхнулся на кровать, содрал с ног носки, распулял их – один в занавеску, другой под кресло. Подумал, неплохо бы на книжную полку еще закинуть. Висел бы, пах, как символ независимости. Впрочем, устраивать стрельбу по корешкам было лень.

Поднявшись, Лёшка вырубил компьютер и, забрав в ладонь хельманне, снова лёг. Пальцы поползли по значкам. Надо будет спросить у этого Мёленбека, что хоть значки значат-то. И вообще поинтересоваться – какая ценность, кому, если что, можно продать. Или это типа медали, молодец, герой, заслужил?

Лёшка зевнул. Потом вспомнил, что завтра ему где-то в семь, нет, в семь тридцать надо встать, и зашарил по кровати в поисках телефона.

Мобильник обнаружился под подушкой.

Лёшка выставил в настройках будильника время и добавил функцию повторного сигнала через пятнадцать минут. Теперь мёртвого подымет. Утром ещё наковырять бы в шкафу что-нибудь попримечательнее, тут, конечно, маманя бы помогла, мягкое погладила, если что. Но, блин, сунься к ней сейчас, ага...

Лёшка подтянул стул и выложил и хельманне, и телефон на сиденье. Выдрался из брюк. Ладно, на фиг всё, время к одиннадцати, потрындеть не с кем, можно и подушку придавить. Может, он и сам в семь проснётся. Хорошо бы завтра не облом, а то скажет ещё Мёленбек: «Гуляй, мальчик, я передумал», во задница наметится...

Проснулся Лёшка под грохот ударных и горланный крик латиноса.

Телефон надрывался от зажигательной самбы и, кажется, даже подскакивал. Где тут долбанная клавиша-то? Ага...

Лёшка отбросил телефон какдохлую, задушенную тушку и рухнул обратно на кровать. О, блаженство. Блин, снилось же что-то... Нет, сон уходил, оставляя смутное видение то ли пустыни, то ли высохшей равнины. Сухой ветер, былинки. Черная скала вдалеке.

Эх, жалко, если это было что-то героическое!

Дракона – бамс! Орка – тык! И в тревожный закат...

Жижа такие истории любит. По его словам, мы вообще существа многомерные, и живём во множестве параллельных миров копиями, отражениями самих себя. А сны, получается, как бы пробой, случайный доступ к альтернативной жизни.

Ах, чёрт!

Лёшка вскочил, едва не опрокинув стул. В конце концов, не просто так самба играла. Хочешь опоздать в первый рабочий день? Ноу проблем. Только работодатель – мужик серьёзный, вжикнет по горлышку да прикопает за забором. Шпага есть – проверено. Ну и забор тоже есть. Машины нет, потому что хрен знает, какой участок понадобится.

Лёшка натянул джинсы.

Галопом по европам. Комната, коридор... Блин! Туалет, как назло, оказался занят.

– Нельзя! – пискнула оттуда Динка, едва он дёрнул ручку.

Шмакодавка.

То дрыхнет до десяти, то вдруг встала ни свет ни заря... Не удивительно, если даже из вредности встала. Услышала самбу и на унитаз!

– Мам, привет, – сунулся Лёшка в кухню.

– И тебе, Лёша, – безжизненным голосом сказала маманя.

Волосы у нее были собраны в пучок на макушке, от этого открытое лицо казалось заострившимся и сосредоточенно-жестким. Ещё эти пятна на щеках. Маргарин на бутерброды маманя намазывала, словно перерезала им горло. Деловито и без эмоций.

Лёшка даже испугался.

– Мам, ну ты чего? Давай, получу зарплату, тогда и поговорим?

– Хорошо, – согласилась маманя.

Но взгляд её обошёл Лёшку по высокой дуге.

– Мне бы ещё рубашку погладить... которая с коротким рукавом... – сказал он.

– Это ты сам.

– Блин! – сорвался Лёшка. – Что, мне нельзя уже попросить? Что ты меня прессуешь?! Я миску вымыл? Вымыл! Задрали все уже! Всем всё надо. А я? Меня спросили, что нужно мне?!

Маманя, мелко покивав, принялась лепить на бутерброды кружки вареной колбасы. Розовые до невозможности.

– Ты уже взрослый, Лёш, можешь всё сам.

Короткий взгляд – как «наждачка».

Ну, спасибо хоть, что заметила. Не столб, сын всё-таки стоит.

– В футболке пойду! – крикнул Лёшка уже по дороге обратно в свою комнату. – И бутерброды твои нахрен!

Не удержался – грохнул пяткой в туалетную дверь.

– Мама! – подала изнутри голос Динка.

– Засеря! – ответил Лёшка.

Приличная футболка у него была всего одна, стильная, чёрная, с рисунком-логотипом из пьяных цветных квадратилов на левой стороне груди. В прошлом месяце выклянчил. Ничего, скоро он сам себе и футболку, и водолазку...

В нижнем ящике шкафа нашлись новые носки, китайские, с иероглифами. Нормально на раз. Под душ бы что ли. И по нужде. Или хотя бы морду лица сполоснуть.

– Э-хе-хейя! – заорал телефон.

Ударные, маракасы, что там еще?

Лёшка торопливо выключил будильник, спрятал мобильник в карман джинсов, в другой карман сунул хельманне. Как бы и всё. Время – семь сорок пять. Пять минут до остановки, полчаса, может, минут сорок автобусом. В общем, он ещё успеет купить молока в ларьке, сотка, конечно, гуд бай, но, блин, так и загнуться от голода недалеко.

С каменным лицом Лёшка шагнул в прихожую, надел куртку.

В туалете раздался клекот спущенной из бачка воды. О, наконец-то! Это ж, блин, пятнадцать минут на стульчаке. Десять-то точно. Торты, зараза, вчера нажралась, куда только влезло. Щеки отъела как у хомяка.

– Брысь! – Лёшка отвесил подзатыльник появившейся сестре.

– Дурак!

Справив нужду, Лёшка сполоснул в ванной руки и поплескал воды на лицо.

– Я, может, ночевать не приду, – буркнул он в кухню.

Маманя пожала плечом.

– Хорошо.

Ну и ладно!

На улице было ветрено. Целлофановый пакет задумал пролететь мимо кустов сирени, но застрял в ветвях и поник, слабо шелестя, белым пораженческим комом.

Обойдемся без бутербродов! Вообще обойдусь без всего.

Лёшка дотопал до угла дома, ёжась от холода, заползающего в рукава и за шиворот. Молочный ларек был открыт, на узкой белой губе прилавка стояли пластиковые ящики с кефиром и сметаной. Полная продавщица бегемотихой ворочалась в тесном пространстве, расставляя товар по полкам.

– Можно молока? – Лёшка запустил над кефирно-сметанным изобилием ладонь с зажатой в пальцах банкнотой.

– Нельзя! – отрезала продавщица, поворачиваясь спиной. – У меня приёмка.

– Мне всего один пакет.

Обведенный сиреневыми тенями глаз, всплыв, оценил размер купюры.

– Сдачи нет.

– Да блин!

Лёшка стукнул кулаком по ящику.

– Молодой человек! – взывала бегемотиха.

Но Лёшка уже развернулся и в обход дома зашагал к остановке. В голове стучало: эх, надо было опрокинуть, узрела бы, гадина, сюрприз.

Остановка пустовала. Шелестели приклеенные к столбам объявления. Рекламный плакат морщился через треснувшую витрину. Лёшка, наклонившись, потёр кроссовок ребром ладони, стирая грязь. Вчера стирал, сегодня... Где пачкаются? Вообще-то, подумал, про одежду и обувь

сказано ничего не было, так что нормально. Вдруг тоже этот... камзол выдадут? Он представил себя в камзоле. Еще ручкой так, как у средневековых французов принято. Мадемуазель, же не па... Сильву пле... Жижя слева, Тёмка справа. Шляпа с перьями. Тысяча чертей! Впрочем, не Жижя, а Евгений де Портос, Тёмка – тот, ясно, Арамис, он, так и быть, возьмёт на себя роль благородного Атоса недоутопившего свою графиню де ля Фер.

Автобус, подъехав, пшикнул створками.

Лёшка поднялся внутрь, показал водителю ученический проездной и сел на свободное место, благо, их было до фига. Полупустой автобус покатил через весь город. Растрёпанное, сонное, красное со сна солнце карабкалось в небо по окнам домов. Лёшка смотрел на фасады, на зарождающуюся суету дня, на фигурки людей, которых быстро относил куда-то назад, в прошлое, на вывески и деревья. Записанный на пленку голос перечислял остановки: поликлиника, универсам, улица Революции, кладбище.

Часы на телефоне показали восемь пятнадцать, потом восемь двадцать.

– О! Откуда, чел, и куда?

На соседнее место плюхнулся Димка Шверник, парень из параллельного класса, с которым Лёшка года три назад ходил в шахматный кружок.

Кружок, впрочем, не просуществовал и четырех месяцев. Виктор Сергеевич, дядька хоть и пожилой, но классный, вел его каждый четверг в подвальчике дома у самой школы, но скоро заболел, надолго слег в больницу, а заменивший его то ли студент, то ли аспирант в шахматах был ни бум-бум. Типа, лошадью ходи...

– Привет! – Лёшка хлопнул ладонью по ладони. – А ты куда?

– На сельскохозяйственный, – Димка мотнул головой, словно шею ему стягивала удавка. – За мясом, за треской, за зеленью.

– А я на работу.

– Подработка? А где?

– Ага, подработка! – фыркнул Лёшка. – Постоянка! Взяли по объявлению.

– Без опыта?

– Двигаться нужно, Димон, двигаться.

– И без протекции?

– Я же говорю – по объявлению!

– И кем?

Лёшка выдержал паузу.

– Пока секретарь. А там видно будет. Может, в долю возьмут.

– Не фиг тебе повезло! – восхитился Димка. – За меня словечко не замолвишь?

– И кем я тебя возьму?

– Помощником секретаря.

– Ага, обоих и выпрут. Мне поначалу нагнать никак нельзя.

– В бизнес что ли податься? – с тоской произнёс Димка. – А то денег нет ни хрена. Знакомый пацан шебуршит, до тридцатки, говорит, натекает.

– Ага, это же не мешки ворочать.

Димка скривился.

– Это-то понятно.

Автобус затормозил, створки разошлись, впуская шелест листвы, воркование голубей и шарканье подошв. Бетонное крыльцо у сводчатого здания рынка усердно проливал водой уса́тый азиат в синем халате.

– Ладно, пошёл я, – подал руку Димка.

Он соскочил на тротуар, створки закрылись.

Лёшка проверил хельманне через ткань джинсов: забыл, блин, похвастаться.

Забор бывшего купеческого особняка был всё также тошнотворно-зелен, зато внутри, за решетчатыми воротами, появился небольшой огороженный загончик, уставленный соломенными, будто для стрельбы из лука щитами, а слева узкой полосой кто-то соорудил клумбу с чёрной, голой еще, без ростков землёй.

Лёшка объявился на Шевцова, 33, на десять минут раньше назначенного срока, звонить не решился и поэтому от нечего делать стал маячить перед окнами, меряя двор шагами. Крыльцо в ширину – четыре шага, дорожка до ворот – двадцать один. И тополевые пеньки – один, два... семь. И никто ведь не выглянет, не позовёт. Господину Мёленбеку, похоже, видеокамеру под козырек пришиллить недосуг.

Лёшка с великим трудом дождался, когда часы на телефоне вымигают восемь пятьдесят восемь. Ну, пока он достигнет, пока откроют...

Фух, первый рабочий день!

Он вытер подошвы о резиновый коврик, сменивший тряпочный половичок. Обживает иностранец. В животе нервно зашевелилась какая-то колкая гадина. Костяшки пальцев выбили по дереву затухающую дробь. Услышат? Или сно...

Дверь распахнулась, не дав Лёшке додумать.

Но открыл её не Мёленбек. Несколько мгновений они смотрели друг на друга – Лёшка и смутно знакомый мужчина в широких серых штанах и пропущенной через ремень куртке без рукавов, надетой прямо на голое тело.

Пронзительные серые глаза, костистый нос, ниточка зажившего шрама.

– Проходи, – сказал мужчина так, словно они недавно виделись.

– Я новый секретарь, – сказал, вдруг оробев, Лёшка.

– Я вижу.

– Мне господин Мёленбек...

– Я знаю.

– Обувь...

– В обуви.

Обои в коридоре были ободраны окончательно. Стояли бидоны с краской. Короткий участок стены был уже покрашен в густой желтый цвет.

Лёшка снял куртку.

– Солье! – крикнул мужчина, направляясь в глубь дома. – Здесь твой парень пришёл!

По бедру его постукивал короткий кинжал в ножнах.

Реконструкторы они что ли? – подумал Лёшка. Там трость, здесь кинжал. Любители средневековья? Он двинулся вслед за мужчиной, поневоле копируя его легкий пружинистый шаг.

– Солье!

– Иду.

Господин Мёленбек появился из раздвижных дверей комнаты прямо напротив прихожей. Коричневый камзол он сменил на светлую куртку с прорезанными рукавами, но золотое шитьё присутствовало и здесь, на плечах и на манжетах. Под курткой белела сорочка. Грудь украшала цепь. Узкие панталоны одуванчикового цвета опускались до щиколоток. Обувь Лёшка не рассмотрел. Может, и босиком был господин Мёленбек, с него станется.

– Сюда, Алексей.

За раздвижными дверями прятался длинный обеденный стол, покрытый белой скатертью. Вокруг стола тянули овальные спинки стулья. По бокам, слева и справа, стояли громоздкие буфеты темного дерева, за дверцами выпуклого стекла полыхал гранями хрусталь и синели тарелки. Комната оказалась сквозной – ещё две раздвижные двери Лёшка обнаружил напротив. В узком простенке поблескивали стрелками массивные напольные часы, беззвучно качался маятник. Ближе к комодам четыре тонкие колонны – по две с каждой стороны – поддерживали потолок, с которого низко к столу свешивалась люстра в четыре лампочки.

Стол был сервирован на трёх человек. Три тарелки, три вилки. Стоял графин с чем-то красным. В глубокой чаше с рисунком прятались картофелины. Горкой лежал хлеб, порезанный крупными кусками. В целофановом пакете зеленели огурцы.

– Садитесь, Алексей.

Господин Мёленбек, посвежевший со вчера, отодвинул стул с краю, сам сел во главе, а мужчина, встретивший Лёшку, занял место от Мёленбека слева. Несмотря на размеры стола, они расположились достаточно тесно, почти локоть в локоть.

Рот у Лёшки наполнился слюной.

– Можно? – спросил он.

– Пожалуйста, – Мёленбек широким жестом обозначил, что всё, что на столе, можно есть.

Лёшку не надо было долго упрашивать. Привстав, он наколот себе варёную картошину, затем ещё одну, затем разжился огурцом и цапнул горбушку.

– А соль есть?

– Есть, – кивнул Мёленбек и, повернувшись, достал солонку с буфета.

Лёшка посолил.

Не бог весть какой, конечно, завтрак, сплошная сухомятка. Маслицем бы смазать или сметаной. Но, впрочем, и так ничего. Хотя иностранцы о своём персонале могли б и получше заботиться. Скопытится так персонал.

Лёшка откусил картофелину.

Мёленбек посмотрел на него со странной улыбкой и хмыкнул в бороду.

– Что ж, – потерев ладони, сказал он мужчине, – давай, Штессан, и мы.

– Ште...

Лёшка замер. Картофелина встала в горле.

О только сейчас вспомнил, где видел это худое лицо, этот шрам. А вон и бледная татуировка на плече – птица-змея на трёх лапах.

Получается, когда держал хельманне, он что, угадал по-настоящему?

Глава 2

– Прошу прощения, – привстав, приложил руку к груди Мёленбек, – я не представил тебе, Алексей, своего напарника. Это Иахим Штессан, третий... э-э, нет, это не важно. Важно, что он теперь с нами.

Лёшка с трудом проглотил картофелину.

– А я... я его... – показал он пальцем.

– У вас есть способности, молодой человек, – сказал Мёленбек. – Поэтому я вас и взял. Хотя вы э-э... ещё достаточно молоды.

– Я его видел, – наконец выговорил Лёшка.

– Бывает, – легкомысленно заметил Мёленбек, усаживаясь обратно. – Мало ли что случается в мире? Хотя, соглашусь, не всё является таким, каким кажется. Даже простенькая костяная фигурка может быть совсем не простой.

Лёшка мотнул головой.

– Так я что, ясновидящий?

– Алексей, давай поедим, – сморщившись, попросил Мёленбек. – В своё время ты всё поймёшь. Есть процессы, которые, как ты их не торопи, совершаются медленно и не могут ускориться по одному твоему желанию. Так и с осознанием чего-то не совсем обычного...

Он вздохнул и вгрызся в картофелину.

Лёшка искал глазами помощи у Штессана.

– Это Солё, – пожал плечами тот и тоже предпочёл заняться завтраком.

Что ж, Лёшка вооружился огурцом. Странно день начинается.

Ели в молчании. Мёленбек дотянулся до графина и разлил красное по демократическим картонным стаканчикам. Пояснил коротко:

– Сок.

Лёшка выпил.

Сок оказался вишнёво-яблочным, тёплым, и с огурцом как-то совсем не пошёл.

– Извини, что без разносолов, – сказал, дожевав картофелину, Мёленбек. – Но пока так. Штессан разломал хлеб.

– Это ничего, – хмыкнул он, отщипывая крохотные кусочки мякиша. – Это ещё не Форвахт. И далеко не Гизенхут. В Гизенхуте даже подстреленная ворона была за лакомство.

– Это где? – спросил Лёшка.

Штессан с Мёленбеком переглянулись.

– Там, – сказал, помрачнев, Штессан.

По тону его Лёшка понял, что дальше лучше не выяснять. Наверное, «там» – это в Германии, решил он. Названия звучные. Рублено-немецкие. Хальт! Форвахт! Правда, про голод в Германии он что-то не слышал. Может, во время наводнения? Или схода лавины? А их долго не откапывали...

– Алексей, – придвинулся Мёленбек, – я бы хотел, чтобы ты запомнил одно условие работы моим секретарём. Ты знаешь его?

– Не задавать лишних вопросов?

– Нет. Об этом мы с тобой говорили вчера.

– Хранить секреты?

– Именно. Всё, что происходит здесь, ни с кем вне этого дома не обсуждается. Кто бы что у тебя не спрашивал. Даже если...

Мёленбек замолчал, и Лёшка по тяжелому взгляду черных глаз понял окончание фразы. «Даже если будут пытаться», – хотел сказать Мёленбек. «Или убивать».

Лёшка сглотнул.

– А если я не выдержу?

– Возможно, ничего и не случится, – откинулся на спинку стула Мёленбек. – Здесь тихо.

Но ты помни.

Перстень на вытянутом пальце предостерегающе блеснул.

Лёшка кивнул, судорожно цапнул стаканчик с остатками сока.

– А зарплата? – спросил он.

– Пятьсот рублей. В день. Это не много, – сказал Мёленбек. – Но жильё и питание бесплатно. Кроме того, Штессан и я берёмся тебя кое-чему обучить. Поверь, этот опыт стоит гораздо больших денег. Воскресенье – выходной.

Пятнадцать тысяч, подумал Лёшка.

В месяц. И за них могут убить. Подступят как-нибудь в темноте: знаешь такого-то?

И никто не спасёт.

Он куснул губу.

– Я, наверное... я просто не уверен...

– Хочешь отказаться? – прищурился Мёленбек.

Штессан поднялся, обошёл стол за спиной своего компаньона.

– Я бы не отказывался, парень, – сказал он. – Таких шансов, знаешь, ещё поискать...

И принялся проверять ладонью гладкость дверных накладок. Будто не при чём.

– Вы мне хотели объяснить... – сказал Лёшка.

– согласишься – объясню, – улыбнулся Мёленбек. – Не согласишься – мучайся потом всю жизнь, гадая, что да почему упустил. По-моему, это честно.

Лёшка покатал огрызок огурца.

– У вас какая-то странная контора.

– Возможно. Ладно, – Мёленбек хлопнул ладонью по столу. – Иахим, покажи Алексею его комнату. Правую, угловую.

– Но я ещё... – вскинулся Лёшка.

– А я знаю, – нахмурившись, перебил его Мёленбек. – Только мне нужна определённости.

Посидишь один, взвесишь варианты. – Он бросил взгляд на часы. – Полчаса тебе хватит?

Лёшка кивнул.

– Сюда, – сказал Штессан, незаметно оказавшись у противоположных створок.

Оставив Мёленбека доедать картофель в одиночестве, они вышли в широкий серый коридор за обеденным залом. Створки щелкнули. Штессан почесал висок.

– Я бы не размышлял, – негромко сказал он.

– Что, сразу отказались бы?

Штессан скривился.

Оба коридорных конца оканчивались ступеньками, ведущими на второй этаж здания. Только один конец был глухой, а другой имел узкое окошко, глядящее через забор на поле с убогой сарайкой. По темно-синей дорожке Штессан повел Лёшку в глухой конец.

Всего комнат было четыре: две крайних, две центральных. Центральные казались побольше.

Лёшкино место жительства представляло из себя вытянутый прямоугольник с окном напротив двери. У одной стены – шкаф, у другой – койка. У окна – зажившийся на этом свете стол. Крашенные как в захудалой гостинице стены. Линолеум на полу. Ах, да, ещё пятачок розетки. Ни телевизора, ни компа.

Блин, уныло подумал Лёшка.

– Располагайся, – сказал Штессан.

– Угу.

Лёшка сел на койку, застеленную болотного цвета покрывалом. Взвизгнули пружины панцирной сетки.

– Что, – спросил Штессан, – не нравится?

– Так а чё? Будто ничего лучше нет, – Лёшка ударил кулаком ни в чём не повинную подушку. – Казарма какая-то.

В серых глазах Штессана зажглись странные огоньки.

– А тебе бы перину и наложницу?

– Я просто думал...

– Дури в тебе много, парень, – сказал напарник Мёленбека. – Это сразу видно. Изнеженный.

Лёшка вспыхнул.

– Ага! Сами вы...

– Что – я?

Штессан подступил и оказался рядом. Его лоб сверху боднул Лёшкин, крепкие пальцы сжались, собирая в комок куртку на груди. Лёшка почувствовал, что едва может дышать.

– Вы...

Голос предательски истончился.

– Я стоял у Гиммельлина, когда мне было двенадцать, – заговорил-зашипел Штессан, и холодные глаза его были полны ярости. – Меч был тяжел для меня, и мне дали кинжал. Там я убил своего первого врага.

Сумасшедший! – мелькнуло в голове у Лёшки. Они все здесь...

– Слушай! – Штессан встряхнул его, и мысль пропала, словно перебитая щёлкнувшими зубами. – В четырнадцать вместе с Седьмым кнафуром я попал в засаду у Тишайших топей. Знаешь, сколько вышло оттуда из трехсот человек? Семеро! И Грохот потом истёк кровью. А мой счёт пополнился девятнадцатью мертвецами. А ты? Впрочем...

Он вдруг сник, кулак его разжался. Взгляд сделался беспомощным, даже виноватым.

– Впрочем, забудь, – глухо сказал Штессан, отступая к двери. – Со мной бывает. Просто молчи, если не знаешь...

Стукнули о косяк ножны.

Какое-то время Лёшка сидел неподвижно. Даже когда звонко клацнула «собачка» замка, обозначая, что Мёленбеков приятель покинул «казарменную» комнату. Пальцы дрожали, и внутри всё дрожало.

У какого Гиммельлина? Кто он такой? – прыгали мысли. Я им что... меня что ли можно... будто щенка. Девятнадцать трупов...

Он обмер. А если меня заперли?

От страха скрутило внутренности. Почему-то казалось, что Штессан всё ещё стоит за дверью и прислушивается. Что, мол, будет делать малолетний идиот.

Как назло от какого-то микроскопического движения-шевеления протяжно проскулила пружина. Ещё, зараза, чуть подружек в хор не втянула.

Блин, какого хрена он попёрся по объявлению?

Это маманя всё. Это её «когда устроишься?» его допекло. Вот, устроился. А тут какие-то убийцы вообще... Интересные у них, наверное, дела, филиал «заказушной» конторы открывают. Мы работаем по всей России!

И куда ему? В полицию бежать?

Во рту скопилась слюна, противная, тягучая, с оттенком вкуса вчерашнего торта. Лёшка сглотнул. Фу, блин! Нет-нет, закопошились мысли, дали же ему полчаса на «подумать». Значит, есть вариант... Он зашарил глазами по комнатке. Шкаф! Спрятаться, прикинуться ветошью... Но для этого надо встать. А они по пружинам сразу услышат, что он встал. Но ведь можно, типа, ещё и лечь, звук-то тот же! Или попротяжней.

Лёшка зевнул для прячущейся за дверью публики.

– Э-э-а-а!

Теперь скрипим!

Он качнулся раз, другой и сполз с кровати, но секунды две-три ещё тряс сетку ладонями. Пружины с готовностью отзывались – виу-виу. На всякий случай – контрольный: виу. Всё, теперь считаем, что потенциальный секретарь как бы в глубоких раздумьях. Или вообще спит.

Лёшка осторожно поднялся с пола. Прислушался.

За дверью Штессан или нет? Дыши – не дыши, фиг поймёшь. Так, пожалуй, и шагнуть будет страшно, если представлять, что сейчас как выпрыгнет, как выскочит... С ножом, блин. Мне что-то там в двенадцать!.. Гиммель-что-то-там и топи! Нормальные люди, впрочем, видео-камеры ставят, а не стоят под дверью. Надёжней, знаете ли. Может так и есть?

Лёшка повертел головой, осматривая углы крашеного потолка. Вроде никаких камер. Камзолы и шпаги, впрочем, с камерами диссонируют. Тут годятся разве что тайные зеркала и воздухопроводы. Но это же в уважающих себя замках, а у нас купеческий особняк. Только, блин, и в этом случае хорошо бы не стоять, как вкопанному.

Затаив дыхание, Лёшка шагнул к шкафу.

Стук сердца напрочь перекрыл все остальные звуки. Ух, разбежалось-заколотилось! Адреналин! Спокойствие, только спокойствие.

Лёшка подцепил ногтями дверцу шкафа и неожиданно подумал: а на хрена? Во всех фильмах первым делом в шкаф и под кровать заглядывают. Вот сюрприз будет, когда они заглянут, а он им через губу: прикройте, я ещё ничего не решил.

Дурдом.

Лёшка повернулся.

Вот оно, решение. Окно. Отставить стол, распахнуть створку, предварительно отщелкнув шпингалеты. Кувырок. Перекат. Забор. Свобода. Глядишь, минут через двадцать только и хватятся. А там его уже ищи-свищи. Адрес он не давал. Фамилию... Фамилию говорил. Но даже в их трёхсоттысячном городке этих Сазоновых...

Стул удалось переместить бесшумно. Ножки чуть стукнули, но вряд ли за дверью было слышно. Со столом Лёшка провозился дольше – закусив губу и обливаясь потом, осторожно сдвинул-таки грозящее развалиться чудовище к шкафу. Хорошо, по линолеуму, а не по паркету. Окно же, похоже, не раскрывали со времен его покраски. Между стеклами лежали мумифицированные мушинные трупы. Створки держали мёртво даже после того, как шпингалеты с трудом (а один со скрежетом) вышли из пазов.

Лёшка подёргал ручку. Гадство. Нет, есть, конечно, люфт, но, блин, треска будет!

Покопавшись в кармане, он выудил ключ от квартиры и его «бородкой» принялся счищать наплывы краски между створками и рамой.

Время бежало, подмышки намокли, частицы сколотой краски похрустывали под локтем. Налегая на ключ, Лёшка упёрся в подоконник коленом. Не сломать бы! В смысле, ключ. Он прошёлся им снизу и сверху. И ещё со стороны петель.

В сущности, подумалось, пусть трещит. Главное, чтоб раскрылось. Будут они за ним по городу гнаться, ага.

Лёшка вытер лоб. Передохнув, он снова взялся за ручку. Солнечный свет, падающий под углом, рождает на стекле радужные разводы. Ну же! Створка со слабым скрипом отошла на полсантиметра. В образовавшуюся щель затекли запахи травы и пыльной улицы. Есть! Лёшка обрадованно надавил. Ещё чуть-чуть! Давай, давай, родненькая.

Он едва не вывалился наружу, когда створка распахнулась, немилосердно дребезжа стеклом. Так можно было и шею свернуть. Перехватившись, Лёшка вернул тело обратно и выбрался уже нормально, боком, предварительно спустив одну ногу и нащупав выступающий цоколь. Несколько секунд затем он сидел, прислонившись к стене под окном, и глядел на забор. Забор казался высоковатым, просто так не перелезешь. Ни ящика, ни лесенки какой-никакой.

Не, он не Бубка.

Поднявшись, Лёшка свернул за угол здания, но, вовремя сообразив, что его будет как на ладони видно из других окон, опустился на корточки. Диверсант, блин.

Он медленно двинулся вдоль стены, примерно представляя, что оставленные позади метра четыре – это его комната, как раз у полукружья фальшивой колонны начался коридор, это ещё метр-полтора, а дальше, по сути, тянется кабинет Мёленбека. В нём он был вчера, и это метров шесть, кажется. А там уже прямая до ворот.

Ещё бы не свербело в животе. Страшно всё-таки.

Опа! Окно кабинета было распахнуто, и оттуда вполне явственно слышались голоса Штессана и Мёленбека.

Лёшка замер под выступающей челюстью подоконника.

– Солье, – говорил Штессан, – я могу и один.

– Что ты можешь один? – волновался Мёленбек. – Докуда ты дойдешь? До Хависана или до Мериголда? Нужен отряд, пойми ты, отряд!

– А они в это время...

Штессан втянул воздух сквозь зубы и умолк.

– Не гляди на меня, – сказал Мёленбек. – Я знаю, я всё знаю, Иахим.

– Я видел, как Гейне... до того, как меня... Солье, я всё видел!

Лёшка вдруг расслышал странный звук. Будто что-то клацнуло. И ещё раз, и ещё. Штессан плачет! – вдруг понял он.

– Иахим!

Звон пощечины заставил Лёшку втянуть голову в плечи. Ни фиги себе у них разборки! Какого-то Гейне потеряли.

– Ну же, Иахим!

– Я не могу здесь. Не могу, Солье.

– Терпи.

Лёшка подумал, что они, наверное, какой-нибудь орден. Типа тамплиеров. Или ещё какого. Их вроде много было, полу-рыцарских, полу-монашеских орденов. Вообще орденов было до хрена. Иезуиты, бенедиктинцы. Госпитальеры. Иерусалим, крестовые походы, Святой Грааль. Тайные знания. Индиана Джонс-третий. Нам-то не видно, а у них, возможно, до сих пор между собой скрытные войны идут. Отсюда и оружие холодное. Как традиция. И прячутся они, видимо, от такого же ордена, только более жестокого и многочисленного.

В подтверждение Лёшкиных мыслей почти над самой его головой раздался голос Мёленбека:

– Это временное убежище, Иахим.

Ну вот, убежище. Точно беглецы.

Плеснула, надуваясь воздухом, штора.

– Нам ещё повезло, – сказал Мёленбек, кажется, постукивая по подоконнику тростью. – Всё могло быть гораздо хуже. А тут сразу мальчишка попался не без способностей. Может быть, настоящий секретарь.

– Не нравится он мне, – сказал Штессан.

– А мы ему? Да нет, нормальный мальчишка, глупый только.

– И ты ему расскажешь...

– Со временем.

– Нет в нём духа. Силы нет. Знаешь, как мы называли таких? Вянгэ, гнилое мясо.

– А ты на что, Иахим?

Штессан ответил смешком.

– А согласится?

– Не знаю, – сказал Мёленбек. – Давай спросим.

И прежде, чем Лёшка успел что-либо понять, жилистая рука безошибочно ухватила его за шиворот и, больно приложив об угол, закинула на подоконник. Затащить Лёшку в кабинет целиком у Мёленбека не получилось – помешали согнутые ноги. Но и так Лёшкино положение выглядело совсем не завидным – он качался на животе, едва доставая ковра на полу кончиками пальцев.

– Бежать решил?

Лёшка поднял голову и встретился с черными глазами хозяина особняка.

– А чё вы!..

– Я? – удивился Мёленбек. – По-моему, это ты, Алексей, пытаешься что-то изобразить.

Не пойму только, то ли бегство, то ли любопытство.

– Ага, вы же сами тут скрываетесь!

– Это совсем другое дело.

– Все знают, что я здесь. Так что если вы меня убьёте...

– Дурак.

Трость легко шлёпнула Лёшку по затылку.

– Уроды! – чуть не заревел Лёшка, скребя по стене ногами.

Качаться на подоконнике, не имея возможности сползти, было обидно до чёртиков. Нашли себе развлечение, поймали и лупят! Ничего, он их всех... В клочки! Чтобы помнили! Гады! Сволочи! Фашисты!

– Действительно, дурак, – присел рядом Штессан. – Чего повис-то? Руки – на подоконник, приподнимаешься, просовываешь колено...

Он чуть ли не всё сделал за Лёшку – и пальцы Лёшкины зацепил, и выпер его вверх, и даже за коленом потянулся, но тут уже Лёшка сообразил сам и хоть и ушибся, а забалансировал на одной ноге. Цапля цаплей, но стоячая!

– Так лучше, – оценил Штессан.

– Заползай, – сказал Мёленбек.

Как вчера, он сел за стол и принялся переставлять предметы. Предметов явно прибавилось, кажется, количество их приближалось к десятку.

– Давай, – подал руку Штессан.

– Я сам, – отпихнул его Лёшка.

И чуть не грохнулся вниз.

Штессан вовремя дёрнул его на себя, нога нашла опору, пальцы вцепились в короткий ворот безрукавки, вторая нога ребристой подошвой кроссовки протарахтела по углу подоконника. Тр-рыц!

– Простите, – Лёшка выпрямился. – Я это... не рассчитал.

Штессан подтолкнул его к столу.

– Вот что, Алексей, – огладив бороду, сказал Мёленбек, – если хочешь уйти, уходи сейчас. Держать мы тебя не будем. В конце концов, найдём другого секретаря. А ты навсегда забудешь этот адрес.

– Вы всё-таки прячетесь? – спросил Лёшка.

– В некотором роде, – Мёленбек со слабой улыбкой двинул фигурку, похожую на длинноухого, застывшего в стойке пса.

– Просто, если я соглашусь... Это опасно?

– Возможно. В мире возможно всё, на любой его грани.

– Но для этого теперь здесь есть я, – сказал, плюхаясь на кушетку, Штессан. – И Солье тоже. Не будь вянгэ, парень.

– Вам легко говорить, – Лёшка посмотрел на Мёленбека. – А у нас тут, лет пять назад, собственность делили, потом трупы всплывали.

– Дурак! – припечатал Штессан.

Закинув ноги в шлёпанцах, он достал кинжал из ножен. Клинок его оказался короток и будто обломан. Штессан принялся крутить его, пробуя ногтем заточку и любясь синеватым искажениями, бегущими по металлу.

– Алексей, – отвлёк Лёшку от созерцания оружия Мёленбек, – тебе решать. Но думаю, никакой особой опасности для тебя нет. Но даже если... Иахим сказал тебе: он первым примет удар.

Штессан отсалютовал кинжалом словам напарника.

– Я готов.

Лёшка потёр лоб.

– А я... А что мне надо будет делать?

Мёленбек широко улыбнулся.

– Первое – работать с хельманне. Второе – работать с бумагами и картами. Третье – иногда в доме будут появляться люди, и тебе придётся присутствовать на переговорах. Ну и четвертое – когда Иахиму или кому-то ещё понадобится помощь, ты помогаешь. Вот и всё.

Он развёл руки.

– А что у меня за дар?

Мёленбек повернул к Лёшке фигурку длинноухого пса.

– Специфический, но достаточно ценный. Каждая вещь, которая определённое время находилась в пользовании одного человека, вбирает в себя его образ. Увидеть этот образ – и есть твоё умение. Мне такая способность очень нужна.

– Зачем?

Мёленбек, казалось, растерялся.

– Ну... – он посмотрел на Штессана. – При развитии способности, можно научиться отличать правду от лжи. Потом, ты видишь человека, которого хельманне воспринимает как он есть. То есть, отпечаток, который возникает перед тобой, он честный. В этом и секрет. Ты вот, когда Штессана увидел, что о нём подумал?

– Что он... – Лёшка помедлил. – Что он мёртвый.

– Ыс-с-с, – втянул воздух Штессан, – порезался.

Он показал каплю крови, набухшую на подушечке большого пальца.

– М-да, – разочарованно сказал Мёленбек Лёшке, – бывают и ошибки. С опытом пройдёт.

– А мы чем-то торгуем? – спросил Лёшка. – Недвижимость? Акции?

– Пока ничем, – сказал Мёленбек. У него, видимо, испортилось настроение. Он прикрыл глаза и отстранился от стола. – Пока у нас ремонт. Поэтому сегодня поступаешь в распоряжение Иахима, он тебе скажет, что делать.

– Пошли, – поднялся Штессан. – А то, видишь ли, мёртвый я. – На худом лице его появилась кровожадная ухмылка. – И кто меня только не хоронил. Сам проконтур Семпариян Гук как-то объявил меня не существующим.

– Эй, это... – Лёшка остановился у двери.

– Что? – открыл глаза Мёленбек.

– Можно аванс? Небольшой. Как обладателю способности?

Мёленбек устало кивнул.

– Хорошо. Я дам тебе... – он выдвинул ящик стола. – ...пять триста. Хватит этого?

– Можно я их сразу домой отнесу? – спросил Лёшка.

– Можно. Вечером. – Мёленбек выставил руку с тоненькой, зажатой в пальцах пачкой. – Бери. Скажешь родным, чтоб не беспокоились.

– Спасибо.

Четыре купюры по тысяче рублей, две по пятьсот и три сотенных. Неплохо! Лёшка повеселел. Странно, вроде и убить могут, а с деньгами всё равно легче.

– Смотри ж ты, разублился, – подтолкнул его Штессан.

– А куда мы? – спросил Лёшка.

– Увидишь.

Штессан прикрыл за Лёшкой дверь в кабинет и, похлопывая по стенам, повёл того знакомым маршрутом к выходу. Впрочем, до выхода они не дошли.

– Здесь.

– Что – здесь? – удивился Лёшка.

– Красить будем.

Штессан расстегнул пояс, снял и повесил на вешалку куртку-безрукавку, затем подтащил козлы к стене с неокрашенным участком.

– Я же это... секретарь, – растерянно сказал Лёшка.

– И что? – удивился Иахим. – А я – солдат. Мы будем ждать, пока мне найдется война, а тебе – секретарская работа?

– Я как бы...

– Вот что, – Штессан вручил Лёшке валик, – Солье сказал, что сегодня тобой распоряжаюсь я. Значит, мы красим стену. Выбирай: сверху или снизу.

– Я, блин, во всем новом, – сказал Лёшка.

– Хламида на крючке.

– Ага, конечно, – буркнул Лёшка, но куртку снял.

Синий халат, в каких у них в школе ходили уборщицы, он одел с внутренним содроганием. Посмотрел на себя: жлоб в халате. Синий дрыщ, а не секретарь.

Штессан тем временем из комнатки рядом принёс две пятилитровых банки желтой краски, кюветы и ещё один валик.

– Ну что, верх или низ?

Лёшка попробовал забраться на козлы – сооружение заплясало под ним, грозя развалиться и погребсти. Не то что красить, стоять на нём не представлялось возможным. А голову свернуть – запросто. Так потянешься за красочкой и – ага.

– Не, – сказал Лёшка, отступая, – я низ.

– Тогда так, – Штессан развернул козлы поперек коридора, – я – эту часть, ты – ту. Потом меняемся.

На каждого выходило по два метра. На час работы, наверное, если не меньше. Иахим, перемешав, разлил краску по кюветам.

– Макаешь, прокатываешь от лишнего, проходишь два раза.

– Вы словно не солдат были, а маляр, – Лёшка присел к своей кювете.

– Эх, парень, кем мне только не приходилось быть!

Штессан подмигнул и легко вспрыгнул на козлы.

Лёшка даже рот открыл. Стоял человек, потом раз! – неуловимо сжался, оттолкнулся ладонью от доски и в следующее мгновение уже зафиксировался на этой доске двумя ногами.

Бэтмен какой-то!

– Тазик подай.

– Что?

– Тазик, – Штессан показал на кювету и край козел у стены.

– Ясно.

Лёшка поставил Иахиму кювету, испачкав в краске большой палец. Палец даже вытереть было нечем. Не о халат же?

– Бумагу постели, – сказал Штессан, глядя на Лёшкину задумчивость с высоты.

– А где...

– Сразу направо.

В небольшой комнатке, заваленной всякой строительно-ремонтной дребеденью: мешками ротбанда, какими-то панелями, раковинами, целофаном, керамической плиткой, руло-

нами утеплителя, уголками и прочим, бумага нашлась не сразу. Пачку старых рекламных газет Лёшка обнаружил только после торопящего окрика из коридора. Кто-то не самый умный утрамбовал её между обрезками досок. Додумался.

Краска уже присохла, и оттереть палец до конца не получилось. Загар, блин. Нет, постепенное превращение в китайца. Начинается с маленьких желтых пятнышек.

– Парень, ты там не заснул? – спросил Штессан.

– Да кое-как нашёл.

Лёшка выполз из комнатки и бросил газетный ворох на пол. Затем, присев, расстелил у стены пестрящие объявления экземпляры многотиражки. Сдам квартиру, куплю металлолом, ласковая кошечка ищет хозяина.

– И с моей стороны, – сказал Штессан.

– Блин.

– Думай головой. Если тебе нужны газеты, то и мне они нужны тоже.

Лёшка протиснулся между стеной и козлами. Газеты легли не аккуратно, но Штессану он, блин, и не нанимался. Слугу нашли, ага. Поддай-принеси.

– Всё.

– Тогда начали.

Штессан наклонился к кювете.

Лёшка посмотрел, как под липким шуршанием его валика грязно-серая поверхность превращается в ярко-жёлтую, и решил, что зря не полез наверх. С козел красилось легче. Штессан вообще был как автомат. Робот. К кювете – от кюветы, к кювете – от кюветы. А в промежутке – ших-ших по стене. И, блин, ни капельки краски на полу.

– Ты как там? – на мгновение отвлекся Иахим.

– А-а... я это... нормально, – Лёшка сноровисто задвигал валиком по кювете. – Сейчас примерюсь... А мы глюков от краски не нахватаем?

– Чего?

– Не задохнётся?

– Крась давай.

И снова сверху полетело – ших-ших, ших-ших.

Лёшка упёр валик в стену. Вни-и-из. Кривоватая жёлтая полоса легла на серое, истончающаяся и бледнея с каждым сантиметром.

И как тут делать два прохода?

Лёшка поволохал валик в кювете и, не отжимая лишнее, быстро перенёс его к стене. Краска потекла наплывами, каплей пролилась на газеты. Зато два прохода точно было. Вниз и вверх. Во, теперь нормально.

Он полюбовался сделанным. Правда, у Штессана уже чуть ли не половина была закрашена. На козлах всё-таки быстрее получается.

Лёшка потёр ладони о халат и принялся красить дальше.

Краска почти не пахла и впитывалась хорошо. А вот кисть руки от нажима на валик да постоянного движения стала ныть непереносимо.

Лёшка со свистом втянул воздух и сел у противоположной стены.

– Что? Всё? – обернулся Штессан.

– Всё, – кивнул Лёшка.

Иахим посмотрел на Лёшкину работу.

– Тут и трети нет.

– Рука...

Лицо Штессана приняло свирепое выражение.

– Ну-ка, встал и докрасил.

– Не могу, – Лёшка для убедительности простонал. – Я, наверное, что-то вывихнул.

– Ясно.

Штессан легко прыгнул с козел. Несколько секунд он вглядывался Лёшке в лицо, выискивал что-то сквозь прищур, затем схватил его за ворот халата.

Лёшка почувствовал, как ткань впиалась в горло.

– Эй, – прохрипел он, – вы чё?

– Ничё.

Штессан сжал ворот сильнее и потащил Лёшку по коридору. Только не в сторону кабинета, не к Мёленбеку, а к комнатам за обеденным залом.

Лёшка шкрябал ногами, но встать у него никак не получалось, кулак Иахима мешал, дыхание прерывалось, линолеум скользил, и даже какие-то круги в глазах поплыли.

– С-сюда, вянгэ.

Штессан поддернул сильнее, Лёшка больно треснулся об угол косточкой, и на весу, на коленках, помогая себе руками, пополз следом.

Слёзы обожгли уголки глаз. Обида заклокотала в горле. Ненавижу! Какое он имеет право? Я же не сделал ничего!

– Я вам что... собака? – всхлипнул Лёшка, не понимая, куда и зачем его волокут.

Под ладонь попалась ступенька.

Они поднялись на второй этаж, и тут Штессан, разжав кулак, опрокинул Лёшку на жесткий, пружинисто прогнувшийся пол.

– Слушай, вянгэ!

– Я не вянгэ, – ожидая удара, зажмурился Лёшка.

– Ты – вянгэ, пока я не скажу обратного, – ощерился, нависая, Штессан. – Даже если Солье этого не одобрит...

Он посопел носом, затем рывком поставил Лёшку вертикально.

Шрам на правой щеке Иахима из тонкого белого превратился в розового, пульсирующего червя.

– Я обещал тебе обучение?

– Я не хочу уже! – всхлипнул Лёшка.

– Сопли подбери! – рявкнул Штессан. – Выпрямился! Подбородок вперед!

Размазав мокрое по щеке, Лёшка выполнил команды. Оказалось, он выше Иахима.

– И что?

Штессан зашёл ему за спину.

– Знаешь, – сказал он, дохнув в затылок, – когда-то ассай-отступники придумали пытку для своих пленников. Особым способом они погружали их в состояние, где человек не ощущал ни своего тела, ни того, что находится вокруг него. Пленнику казалось, что у него нет глаз, рук, ног, языка, носа... кожи. То есть, он ничего не чувствовал. Ни верха, ни низа. Ни времени. Стоит он или лежит. Он мог только думать. – Палец Штессана коснулся Лёшкиного виска. – И всё.

Лёшка вздрогнул.

– Зачем вы это...

Собранные в щепоть пальцы клюнули его в основание шеи.

– Потом, когда гнездо ассая в Голубых горах было разгромлено, – сказал Штессан, – гвардия принцессы включила это испытание в методику отбора. Ты знаешь, что я был зачислен в гвардию принцессы?

– Н-нет.

– Во-от, теперь знаешь.

Пальцы Штессана вновь клюнули Лёшку, теперь уже под левую лопатку.

– Что вы...

Лёшка попытался повернуть голову и не смог.

– Ты слушай дальше, – сказал Штессан, все также оставаясь за спиной. – Ассаи, конечно, были мрази редкостные, водились с мертвечиной, поклонялись Тьме-Ольванге, много народу погубили. Но и какое-то благородство им было свойственно. Так, если человек начинал правильно и упорно мыслить, то пытка прекращалась сама собой. А может в этом была слабость их искусства. Теперь уже и не дознаешься. Чуешь, к чему клоню?

– Не надо, – дрожащим голосом произнёс Лёшка. – Я всё понял.

– Понял! – фыркнул Штессан. Щепоть толкнулась Лёшке в поясницу, затем в правое плечо. – Ты ещё ничего не понял.

– Я понял! – вскрикнул Лёшка.

– Ты трусишь, – Иахим встал перед ним. Худое заросшее лицо его было серьёзно. – Но это не избавит тебя от испытания. Сейчас я отправлю тебя в ойме, так называли это состояние ассаи. И только от тебя будет зависеть, как долго ты в нём останешься. Повторю: выход – в том, о чём и как ты думаешь.

– Я не хочу.

– Мало ли, кто чего не хочет.

Штессан наставил на Лёшку палец, примериваясь, коснулся кожи чуть выше переносицы.

– Пожалуйста...

– Ну, заканючил.

Вокруг был пыльный зал, сквозь полукружье грязного окна пробивался свет, редкие колонны уходили под потолок, к стропилам, на цепях висели кожаные «груши», наполненные песком. В дальнем конце белели четыре двери.

Что здесь быдо раньше? Бальный зал? Гигантская мансарда?

– Приготовься, – сказал Штессан. – Бам-м!

Его палец кольнул Лёшку в лоб.

Лёшка не успел и вдохнуть – всё выключили. Свет, зал, самого Штессана. Осталась одна тьма. Чернильная. Бесконечная. Сплошная.

Ойме.

Эй, прошептал Лёшка и не услышал собственного шёпота. Губ не было. Горла не было. Воздуха не было. Тьма.

Паника вспухла в Лёшке невидимым комом. Куда? Что? Как? Я жив? Я стоял в зале, я точно стоял в зале, а Штессан нажал пальцем. Это, наверное, гипноз. Манипуляция. Он что-то сделал со мной. Надо... или кричать... Чем кричать?

Лю-у-уди-и!

Тьма текла, обтекала, проворачивалась. Или нет, она не двигалась. Она просто прижалась плотно-плотно, прилипла, отъела всё, что можно отъесть.

Как там: в стрессовой ситуации рекомендуют глубоко и медленно дышать. Охрененный совет, когда нет лёгких! Суки, лёгких нет!

Лёгких путей нет.

Лёшке казалось, всё в нём дрожит. Но это была иллюзия. Кишки, пальцы – где вы, мои дорогие? Нечему дрожать во тьме. Особенно если ты сам – тьма. Ты – всюду. Ты – ничто.

А-а-а-а!

Я убью его, подумал он. Как только он выпустит меня, сразу и убью. А если не выпустит? Сколько мне здесь... стоять? Я же стою в зале. Или я потерял сознание? А там – кома. И мне всё снится. Расхожий сюжет.

Какие-то принцессы, какие-то ассаи. Откуда они вообще? Откуда вообще Мёленбек? А Штессан? Из какой, блин, реальности? В четырнадцать попал в засаду... Мечи, кинжалы, шпаги в трости... Против кого они там воюют?

Темно.

Кажется, в Штатах делали что-то подобное. Я читал в интернете. Когда человеческому мозгу отрубали всё, из чего он мог черпать информацию, то он просто сходил с ума.

Ха, я тоже сойду с ума, если это продлится достаточно долго! Тогда, блин, и у меня обнаружатся принцессы и отступники. Не удивительно. А сам я буду король, сумасшедший король-секретарь. Ать-два, ать-два, шпаги наго-о-ло! Кому что надо записать, спросить короля, то есть, меня, я тогда списочек-то составлю...

Ничего-ничего, сказал себе Лёшка, меня спасут. Штессан же не зверь. Не будет он из-за небольшой хитрости с кистью... Она действительно разболелась, так бы я и стал врать. Я вообще не нанимался красить. Хельманне это долбанное...

Мамане, блин, ещё сказал, что ночевать здесь буду. Ага, так здесь и простою. Летом манекеном, зимой в ёлочку нарядят.

Спаси-ите!

Ни отзвука, ни ответа. Ни слуховой галлюцинации. И ведь не чешется ничего. Нос там или под коленкой. Нормально, да?

Я, Лёшка Сазонов – не понятно что. Тьма. Пустота.

– Мысли правильно, – проклюнулся вдруг голос. – Или стой, вянгэ.

Сам ты!..

Придумал же слово. Я так тоже могу. Ингэ, шмынгэ, дынгэ. Крекс-пекс-фекс. Сезам! И коронное: трингельпандум!

Ха-ха-ха.

Блин, куда мыслить, в какую сторону? Что вообще значит «правильно»? О чём? Можно же... Хорошо, я был не прав. Вот!

Что, неправильная мысль?

Хорошо, ладно, была пытка, стало испытание. У ассаев – благородство, и был выход. Какой выход могли придумать отступники и извращенцы? Наверное, какой-то извращённый. Тогда к чему «правильно»?

О-уууу!

Вдруг кто отзовётся. Когда долго плюешь мыслью во тьму, тьма может плюнуть обратно. И что тогда?

А сколько я уже здесь?

Лёшка сосчитал до шестидесяти, затем еще раз. Две минуты долой. То есть, к неопределённым минутам прибавилось еще две.

Хочу домой. Просто хочу домой!

Может, необходимо представить место, в которое хочешь вернуться? Тротуар, подъезд... Блин, совершенно не помнится цвет двери.

Хорошо, хорошо...

Зато я помню свою комнату, светлые обои в цветочек, плакаты, комп, колонки, кровать, застеленные клетчатым покрывалом. Вот, я представляю это, Кобейн и «mans territory», книжные полки...

Не работает. Как я туда перемещусь, если я на Шевцова? Силой мысли, ага. А ещё я могу гонять тучи и гасить звёзды. Блин! Надо искать выход! А где выход? А-а-а, убью этого Штессана. Солдат, блин. Ассай недобитый. Иначе откуда он про них столько знает?

Может, надо представить своего врага?

Штессан! Невысокий, небритый. Худой. Ловкий, тут не отнимешь. И я его руками за горло, и сильнее... Чтоб он сдох.

Глупо.

О чём можно думать «правильно»? О ситуации? О себе? Думай, Лёшка, думай. У тебя же голова... ну, была. В каком-то кино сказали: «Выход обычно находится там, где и вход». Какой был вход? Я потерял тело. Я потерял руки, ноги, глаза. Возможно, необходимо мысленно сосре-

доточиться на их возвращении. Это логично. Блин, это суперлогично! Тебя сделали пустотой, значит, эту пустоту надо заполнить обратно.

Хитро!

Ойме. Ой-мне. Что представить первым? Руку. Конечно, руку. Пальцы на правой. Большой палец я как-то здорово порезал, до сих пор есть косой шрамик у основания. Жижа тогда: берись да берись, ничего не случится. А лист возьми и выгнись, и кромка, зараза, острая, как полоснёт... Это, наверное, года два назад. Сначала вообще не заметно было, потом уже Жижа: блин, Лёшка, у тебя течёт...

Жиже бы такое испытание. Или Тёмычу. Это не демонов по подземельям гонять. Из ракетницы – по рогам. Тут ни демонов, ни ракетницы.

Тьма.

Так, представляю палец. Он должен быть где-то внизу. Если я стою, то ладони у меня находятся у бёдер, это от пола сантиметров девяносто. Или восемьдесят. Фиг здесь, конечно, определишься с полом. Суки отступники. Ну и Штессан тоже.

Был бы рот, Лёшка заскулил бы.

Китайские, блин, умения. Иглоукалывание и акупунктура. Куда он нажимал? Последний раз – над бровями. А раньше?

– Вянгэ-э, – прорезался звук.

Ну, ладно, пусть. Пусть вянгэ. Но большой, со шрамом палец... Он справа. Он есть во тьме. Он точно есть. Я его сгибаю, нервная система подаёт сигнал в мозг...

Ничего не подаёт!

Меня – нет. Как оказалось просто – исчезнуть. Интересно, смерть – она такая? Темнота и мысли, холодные, как рыбы в речке.

И бессилие.

Ну, хорошо, думаем «правильно». Монте-Кристо тоже мог сдохнуть в каземате, ничего не делая, но предпочёл копать. И я тоже буду копать. Что копать? То, что передо мной – тьму. Чем копать? Глупый вопрос для инвалида. Мыслью. Как копать мыслью? Вот это уже правильное направление для размышлений.

Тьма ведь не настоящая. Штессан своими касаниями отрубил мне органы чувств, но сказал, что оставил лазейку. Тёмка трепал, что разработчики всяких прог такие себе оставляют, типа, для оперативного вмешательства и контроля. Бэкдурами зовутся. Задними дверями, в общем. Шмыгнуть в заднюю дверь и вынести там всё...

Только мне к темноте нужен код.

А код завязан на правильные мысли. Ха, разложил по полочкам. Интересная задачка. Дано: тьма. Инструмент воздействия: мысль. Ассортимент воздействия: любой. Сто миллионов вариантов. Не, сто тысяч пятьсот.

Хоть бы болело что-нибудь.

Ладно, думаем. Противоположность тьме – свет. Еще тьма – это страх, зло, боль. Это если навскидку. А они там, в гвардии, наверняка усовершенствовали испытание. Чтобы уж совсем... Ассаи, те были дети по сравнению с гвардейцами. Буду стоять, блин, бородой зарасту, ни хрена не придумаю.

Как из тьмы сделать свет? Не скажешь же просто «свет». Это уж что-то из библии. И стал свет, и ещё там что-то... и вода, и небо.

Ну, если, конечно, подразумевать под светом светлые мысли, то надо о чем-то светлом и думать. Всё из головы вон... Ха-ха, где она, та голова?

О-ууу! Сдохну здесь.

Скоро, скоро принцессы на горизонте появятся. Верные сенешали и враги-сюзерены. Интриги, яд в перстне, полное сумасшествие.

Нет, попробовать-то можно, вечность впереди.

Ну-ка, давайте, мысли светлые... Штессан пусть живёт, Жижэ обещаю отдать сто рублей, к тётке-молочнице никаких претензий не имею...

Лёшка напрягся.

Да, о светлом необходимо думать... Динка, конечно, соплюха, но ведь маленькая... И маманя... Нет, с маманей сложнее.

Я, в общем, вчера... ну, урод, что поделать!

Сложно признаться, но урод. Какая, блин, светлая мысль про «урода». Ляпнул, не подумав. Уже и не помню, что ляпнул. Что-то про отца... Она, конечно, тоже хороша, сразу про деньги. Блин, больной вопрос. Мозоль. Отдать, что ли, ей сразу пятерку? Типа, мне не нужно, я секретарь-маляр, нахожусь в ойме.

Опять что-то не то.

Думать о светлом, о светлом. Очень хочется поскрести затылок. Светлые мысли, они все скапливаются в затылочной части черепа. Доказано многолетними наблюдениями Алексея Сазонова.

Блин! Куда я всё виляю?

Штессан же говорил про упорство? Вот. Значит, надо упорно, не страшась... Чего, впрочем, страшиться, когда ничего нет? Темно.

Ш-шит, о светлом, о светлом.

Это Тёмка слово придумал – «нешитово». Классно звучит. То есть, не дерьмово. Кульно. Супер. Зараза, куда меня всё уводит?

Я – Алексей Сазонов...

...стою, курю... ...плыву куда-то... ...торжественно клянусь...

Светлых мыслей набиралось не много. Их было почему-то невероятно трудно удержать, они елозили и просачивались, таяли, рассыпались. Куда ты, светлая мысль? Нет ответа.

И тогда Лёшка понял.

Это не он находится во тьме, это тьма находится в нём. Всё, что ни есть – злость, зависть, глупость, легкомысленность, заносчивость, самообман.

Свет – свет! – плеснул по глазам.

Плеснул и протаял в зал, наполненный солнцем из большого полукруглого окна. Прямо против Лёшки вылутился улыбающийся, скрестивший руки на груди Штессан, а за ним хлопал совиными глазами наполовину в косом солнечном столбе Мёленбек.

– Солье, – произнёс Иахим, чуть повернув голову, – а он не так безнадежен.

– Я же сказал тебе – способный мальчишка, – Мёленбек подступил ближе и сощурился. – Мне кажется, он хочет тебя убить.

Штессан кивнул.

– Мне тоже когда-то хотелось. Какие, думал, уроды это придумали!

– Так и отпусти его.

– Это не я, это ойме не сразу отпускает. Ничего, сейчас очухается.

В тот же момент Лёшка почувствовал, как колкое электричество от кончиков пальцев побежало по телу.

– Вы вообще, блин! – сказал он, едва к нему вернулась речь. – Засунули в...

– С возвращением!

Штессан оказался рядом и обнял.

Это было неожиданно. Чёрт, это было приятно. Даже отец так не делал. Во всяком случае, Лёшка не помнил. Пятернёй Иахим взъерошил Лёшкины волосы.

– Да чё вы!

– У-у, какой! – Штессан поднял ладони. – Не трогаю.

Лёшка пофыркал.

– Так я сам?

– Сам, сам, – сказал Иахим.

– И сколько я...

– По времени? Семь минут сорок восемь чере... э-э, секунд... Вполне средний результат. Не выдающийся.

– Пойдём-ка, – поманил Лёшку пальцем Мёленбек. – Покраска откладывается. Иахим, – обернулся он, – ты закончишь?

– Ха! Только свою половину, – оскалился Штессан.

После ойме было странно вновь чувствовать своё тело. Какое-то время оно даже казалось отдельно существующим. Лёшка спустился вслед за Мёленбеком по ступенькам на первый этаж с чётким ощущением, что на самом деле парит чуть позади собственного левого плеча.

Впрочем, у кабинета всё пришло в норму.

– Проходи, – сказал Мёленбек.

Лёшка вошёл.

Мёленбек сдвинул одну из панелей, открывая спрятанную от посторонних глаз то ли кладовку, то ли стеной шкаф. В закутке размером метр на полтора, оклеенном сиреневыми обоями, одиноко стоял табурет.

– Вот что, – сказал Мёленбек, запуская внутрь Лёшку, – ко мне должен прийти один человек. Я ждал его завтра, но... В общем, он решил поторопить события. В некотором смысле, это опасно. И, увы, подозрительно, хотя раньше у меня не было оснований в нем сомневаться. Поэтому мне нужен будешь ты.

– Как уши? – спросил Лёшка, оглядывая уходящие под потолок пустые полки.

– Как секретарь.

– И мне здесь сидеть?

– Да, – почему-то понизил голос Мёленбек. – Отсюда, – он отстегнул кармашек на панели с внутренней стороны, – можно смотреть.

Лёшка наклонился – сквозь сеточку ткани были видны стол и подтянутое к нему, предназначенное для посетителя массивное кресло.

– Постарайся не шуметь, – чёрные, навывкате глаза Мёленбека приблизились к Лёшкиному лицу. – Не думаю, что разговор будет долгим. Но прошу: попробуй посмотреть на моего гостя, будто это хельманне.

– Это как?

– Попытайся увидеть его суть. Как хельманне Штессана отражает Иахима, так и люди часто отражают свои страхи или желания. У тебя может получиться.

– Вы что, серьёзно? Я никогда раньше не пробовал.

– Ну, с хельманне же получилось. Всё, я пошёл встречать.

Мёленбек закрыл панель за собой, оставив Лёшку в темноте. Ойме два, блин. Щёлкнул дверной замок.

Лёшка почесался. Сделай то, не знаю что. Сиди, смотри, слушай. А красить стену – это как называется? Он попробовал разозлиться и не смог. Было наоборот любопытно, что за люди ходят сюда с визитами. Из наших или орденские? Ну, там, мэр и директора всяких ООО или тоже кто-нибудь не отсюда.

Замок снова щёлкнул. Лёшка замер.

– Проходите, господин Фраги, – услышал он голос Мёленбека.

– Благодарю.

Раздались мягкие, погашенные ворсом ковра шаги, скрипнула кожа кресла. Тенью проплыл перед панелью Мёленбек. Брякнула кольцами штора.

– Что-нибудь выпьете?

– Думаю, у вас нет ни хафатрийского сладкого, ни двойного триольдо.

В голосе господина Фраги, жестком, с металлическими нотками голосе человека, привыкшего повелевать и командовать, не было ни сожаления, ни усмешки. Одна голая констатация факта.

– Вы правы, – судя по короткому звуку, Мёленбек занялся привычным перемещением предметов на столе. – Но есть крюс.

– Солдатское пойло. Впрочем...

Снова скрипнула кожа – видимо, господин Фраги устраивался поудобней.

Сдерживая дыхание, Лёшка осмелился посмотреть сквозь ткань. Свет лежал на кресле широкой полосой. Были видны левое плечо гостя и острый профиль его лица.

Господин Фраги оказался подтянутым мужчиной под пятьдесят, с орлиным носом и мощным подбородком. Веяло от него уверенной силой. Одет он был в мундир, на плече круглилось что-то вроде эполета. Стоячий воротничок собирал морщины.

– Крюс у меня ещё не выдохся, – сказал Мёленбек.

Звякнуло стекло. Лёшкин слух уловил плеск непонятого крюса в бокалы.

– За Империю! – первым сказал Фраги.

– За Гейне-Александрю! – сказал Мёленбек.

А Гейне-то – девушка, подумал Лёшка. Королева? Или эта... принцесса? Во что они, блин, тут играют?

Несколько секунд было тихо. Затем почти одновременно бокалы стукнули о столешницу.

– Что-нибудь нашли? – спросил Мёленбек.

– Это стало опасно, – сказал Фраги.

– Это и было опасно.

– Теперь у них завелись нюхачи. Они ходят по домам. Найденное сразу сжигают. Кинфут передал им, пусть обрывочные, списки гвардии.

– Но вы хоть что-нибудь...

– Да, – Фраги поднялся. – Это тебе для коллекции.

Он вывалил из мундирного кармана на стол несколько предметов, которые Лёшка так и не смог рассмотреть.

– Известно, чьи?

– Нет, – Фраги опустился обратно в кресло. – Только ящерка из нефрита, кажется, была у Бертоффо. Помнишь его?

– Нет.

– Держал крепость Люн. Потом пошёл на прорыв с остатками гарнизона. Уцелевших развесили в Сестринском лесу. В общем, никто не верит, что он остался жив. Правда, это может быть хельманне совсем другого человека.

Лёшка закрыл глаза.

Кабинет нарисовался под веками. Стол, свет, Мёленбек. Гость-военный, даже в кресле умудряющийся держать спину прямо.

– Почему сегодня? – спросил Мёленбек.

– Потому что я не уверен, где буду завтра. Вызван к Сомбало.

– Кто он теперь?

Фраги издал смешок.

– Он теперь Высокая комиссия. Вчера устроился в павильоне принцессы. Три дюжины хёйлингов охраны. Канасийские стрелки. И два цога с кристаллами.

– Плохо, – сказал Мёленбек.

– Мы проиграли, Солье.

– Нет!

– Посмотри действительности в глаза. Гвардия разбита. Остатки войск рассеяны. Половина двора присягнула Шидуаку на верность. Остальные прячутся в своих кошалях, надеясь, что тот о них забудет. Ты! – ты сбежал сюда.

– Это был единственный шанс... – глухо произнёс Мёленбек.

Фраги, живущий у Лёшки под веками, вдруг осел, осыпался бурой пылью, а на его месте повис в воздухе железный брусок, грани которого были побиты, словно его пробовали рубить мечом. С одного бока по бруску, кажется, шла рыжая трещина.

– Ты-то сам веришь? – спросил Фраги.

Лёшка открыл глаза.

Значит, суть Фраги – железный брусок? Железный человек? Или человек чести? Побитый, но не сломленный.

– Я верю в себя, – сказал между тем Мёленбек. – И в некоего капитана гвардии в отставке Карсиса Фраги. И в то, что Замок-на-Краю однажды сгинет в Тёплой Бездне.

Посетитель мотнул головой.

– Скорее, сгинем мы.

Мёленбек хмыкнул в бороду.

– А я не дам. Погоди.

Он вышел из-за стола и направился к двери. Мягкий шорох шагов. Поворот ручки.

– Иахим.

Изменившегося в лице Фраги будто пружину вытолкнуло из кресла.

– Штессан?

Штессан, подойдя к визитёру, прижал кулак к груди.

Лёшке не было видно, что происходит с лицом Иахима, но голос у него дрожал:

– Капитан Фраги, Иахим Штессан, ликурт Третьего кнафура, прибыл.

– Ты?

Они обнялись.

У Лёшки комок подступил к горлу – Фраги стиснул Штессана так, словно не верил, что тот живой. Пальцы его побелели.

– Как ты... – отступил затем он, блестя глазами. – Я не верю. Мне сказали... Эрз-Кафар... Синие поля...

– Всё верно, только не совсем, – Штессан, морщась, повёл плечом. – А хватка у вас, господин капитан, так и осталась важья.

Фраги рассмеялся. Казалось, он разом скинул десяток лет. Лицо посветлело, расправились складки на лбу.

– Солье, бездна тебя проглоти, почему у тебя только крюс?

Мёленбек, наблюдавший за встречей давних знакомцев своими чёрными навывкате глазами, прошёл обратно за стол.

– Есть только местное. Своеобразное.

Стукнул ящик стола. На свет появилась пузатая бутылка. Фраги перехватил ее из руки Мёленбека, свинтил пробку.

– Ох, – он отвернул нос от горлышка, – такого даже в лантиганских штольнях не гонят.

– Это коньяк, – сказал Мёленбек, отбирая бутылку. – Здесь он в почёте.

– Пф-ф! – вскинул голову Фраги, но бокал подставил.

– Карсис, скажи, как Боаро? Жив? – спросил Штессан. – Кто-нибудь жив из наших? Олтлерой, Каварго, Син-Варсин?

– Погоди.

Бульканье. Звон стекла.

У Лёшки затекла спина, ноющая боль стала подёргивать плечо, но он боялся пошевелиться.

– За нас, – сказал Фраги, отделённый от него стеной панелью и тремя метрами пространства. – За гвардию.

– За гвардию, – эхом повторил Штессан.

– Ф-фу! – шумно выдохнул отставной капитан, глотнув коньяка. – Нет, неплохо. Думал, будет хуже. Но греет.

Он сел на подлокотник. Несколько секунд его пальцы задумчиво крутили опустевший бокал.

– Боаро видел, – сказал Фраги, помолчав. – Это было весной, когда Второй кнафур пытался прорваться к столице. Потом их разбили. Несколько мечников добрались до меня, рассказали... В общем, шансов у них не было. И Боаро, кажется, знал это. Мы тогда перекинулись парой фраз... Он зашёл ко мне. Я сказал ему, что он напрасно лезет в пасть Шикуаку. А он ответил мне, что, если есть хоть малая надежда, он просто обязан...

Не договорив, Фраги шевельнул подбородком.

– А остальные? – произнес Штессан.

Капитан качнул головой.

– Не видел. Никого не видел. Про Олтлероя говорили, что скрылся в лесах Бартмуда, там совсем дикие края. Может жив, может нет.

– Господин Фраги, – сказал Мёленбек, – я думаю, вам не стоит идти к Сомбалью.

– И куда мне, к вам? – усмехнулся капитан.

– Нет, я бы не хотел, чтобы меня здесь вычислили. По крайней мере, не сейчас. Это письмо, – Мёленбек достал из внутреннего кармана куртки сложенный вчетверо синеватый листок, – к Элоху Кранцу, оно без имени и подписи, но он поймёт. В сущности, это совершенно безобидная бумажка, можете даже прочитать ее на досуге.

– Шифр?

– Чуть тоньше. Запомните, кошаль Вессер, городок Лемурген.

– Это далековато.

Фраги с сомнением взял послание.

– Ничего, – Мёленбек обошёл стол, – до распутицы еще далеко, дороги пока хорошие. Советую уходить и непременно сегодня ночью. Утром Сомбаль, скорее всего, пришлёт сопровождающих. Пойдёмте, я вас провожу.

Он подхватил капитана под руку.

– Империя и королева, – напутствовал их Штессан.

– Гвардия и жизнь, – отозвался Фраги.

Пароль, блин, и отзыв, оторопело подумал Лёшка. «Три мушкетёра» какие-то. За свою небольшую жизнь он привык, что всякие выпренные фразы в его кругу вызывают в лучшем случае весёлое глумление и смешки. Но здесь...

Здесь почему-то пробирало.

Наверное, потому, что и Штессан, и Фраги, и Мёленбек всерьёз верили в то, что говорили. Империя, блин, и королева.

– Эй, – позвал Иахим, усевшись на подоконник, – секретарь, ты здесь?

Подумав, Лёшка сдвинул панель и, жмурясь, выглянул в кабинет.

– Здесь. Здесь темно, как в ойме.

Штессан хмыкнул.

– Ойме бывает разное. Ещё узнаешь.

– Вы садисты, что ли? – покинув прятку, Лёшка рухнул в освободившееся кресло. – Вообще какие-то ненормальные.

– Знаешь, кто такой ликурт?

На лице Иахима расцвела улыбка, не предвещающая Лёшке ничего хорошего.

– Воинское звание?

– Встать! – рявкнул вдруг Штессан.

Ноги сами вытолкнули Лёшку из кресла, и он застыл, хлопая глазами.

Спрыгнув с подоконника, Штессан медленно приблизился, тяжёлым взглядом упёрся Лёшке в переносицу.

– Ликурт – третье звание в гвардии. Первое – сквир – означает «птенец». Мечник в начальной стадии. Кое-что умеет, обучен кое-каким приёмам, прошёл испытание, срок жизни в бою с хъёлингами – минуты. С цогами – секунды. Второе звание – панцир. Означает «кулак». Командир боевой пятерки. Отрядом может успешно сражаться против равной стаи. Против цога со слабым кристаллом, скорее всего, тоже выстоит. А ликурта зовут по-разному. Кто отцом, кто палачом. Кто учителем. Слово «ликурт» вообще-то берёт начало от слова «ликас» – «дюжина». Но я предпочитаю думать о родстве со словом «ликрант» – «наказывающий». Ты понял?

– Только не ойме снова! – выдохнул Лёшка.

Правда, признаться, даже с каким-то азартом выдохнул. Подумал: ну, заверни, а я разгадаю. Идиотизм, да?

Штессан фыркнул.

– Понравилось? Правильно. Если уж думаешь одолеть такого, как я, научись тому же, что умею я. И сделай это лучше.

Скользнув в сторону, он снова оказался у Лёшки за спиной.

– Второй урок.

Лёгкое прикосновение к ямке под затылком – и Лёшка, как и перед ойме, потерял возможность двигаться. Тело своё он при этом ощущал, но будто спелёнутое простынёй или одетое в смирительную рубашку.

– Что это за королева? – спросил Лёшка. – Вы откуда?

– Это тебе к Солье, – Штессан присел перед ним на корточки. – А я скажу вот что. Это испытание называется «кришч» или «узелок».

– На каком это языке?

Штессан улыбнулся.

– Не важно. Важно чувствовать боль.

Он дотронулся до левой Лёшкиной лодыжки, и ту будто куснуло электричеством. И хотя Лёшка стоял неподвижно, у него появилось чувство, будто носок вывернулся, пропуская пятку вперёд. Затем Штессан ткнул пальцем в правое колено, и оно будто бы тут же ушло под левое. Лёшку качнуло к земле, но упасть ему («Ну-ну, куда ты?») Иахим не дал, отклонил назад, поднявшись и нажимая на точку под лопаткой. Ай, больно!

Последней досталось шее – ее свернули набок.

Лёшка заподозрил, что из него лепят какую-то идиотскую скульптуру. Или – да, верно – вяжут в узел. Именно. В кришч.

Он плюнул в Штессана и не попал.

– Замечательно! – обрадовался ликурт Третьего кнафура. – Какой ты всё-таки вянгэ! Я сделал четыре болевые стяжки. Все они снимаются одним движением. Но! Каждое неверное движение ведёт к усилению боли. С верным же движением всё просто – надо лишь проследить точку схождения стяжек. Ясно?

– Что?

Лёшка сморщился. Кололо под лопаткой, пульсировала лодыжка, шею словно пощипывало ноготками.

– Развлекаешься?

Мёленбек вошёл в кабинет неслышно, борода, чёрные глаза мелькнули перед туманящимся Лёшкиным взглядом.

– Учю, – сказал Штессан.

– Не переусердствуешь?

– Сам же говоришь, что способный парень, – Штессан забрался на свой излюбленный подоконник. – Пусть потихоньку...

– Изверги! – прохрипел Лёшка. – Вы откуда?

Шевелиться он все же побаивался, и так словно в фигу скрутили, а тут любое движение может в двойную фигу вылиться. Нет уж, спасибо.

– Я тебе отвечу, – сказал Мёленбек, – но в одном случае: если ты успеешь освободиться за пять минут. Время пошло.

– Да вы вообще!.. – Лёшка неосторожно качнул головой, и боль прострелила позвоночник. – Ай! Гадство!

– Пять минут, – повторил Мёленбек.

– Один, два, три... – начал считать Иахим.

– А можно, блин, без этого? – попросил Лёшка.

Штессан пожал плечами, но умолк.

Как нарочно, счёт продолжился в Лёшкиной голове, отщёлкивая шустрые секунды. Семь, восемь, девять... Больно? Да, больно. Четыре стяжки, говорите? Лодыжка, колено, лопатка, шея. Кажется, так. Ликурт, блин. Ликрант самый настоящий. Девятнадцать, двадцать... Как еще развязаться...

Лёшка подышал и, чтобы не мешала взмахивающая нога Штессана, закрыл глаза. Двадцать семь, двадцать восемь...

– Правильно, – подсказал Иахим, – сосредоточься.

Нет, боль была не то чтобы сильная, скорее, надоедливая. Колено давит на голень. Пятка вывернута. Тридцать шесть... Значит, надо вывести колено.

– Как Фраги? – спросил Штессан.

– Нормально, – ответил Мёленбек. – Пожалуй, он воспрял духом.

Лёшка скрипнул зубами.

Отвлекают. Пусть. Взрослые, казалось бы, люди. Сорок девять, пятьдесят... Ого, почти минута уже. Чуть присесть бы. Но верно ли это? Шее от приседания ни холодно, ни жарко. Плюс лопатка. Головоломка, блин.

В телевизоре как-то учили освобождаться от захвата запястья. Выводить руку надо было в сторону слабины, там, где при захвате, большой палец противника соединялся с остальными.

А ещё Лёшке вспомнилось, как отец притащил с работы три хитроизогнутых гвоздя, пронзивших друг друга.

В отцовских руках железный клубок посредством непонятных манипуляций со звоном распадался на элементы, а затем также непонятно снова собирался в целое. Магия! Колдовство!

Лёшке, кажется, было семь, и он, приглядывая за братом, одно время всюду желал чуда – чтобы сплётшиеся гвозди разделились и от его неловких попыток. Но нет, гвозди звякали, кололись, но упрямо держали трио так, что он даже разревелся от бессилия...

– Две минуты! – сказал Мёленбек.

Блин! Лёшка разозлился на самого себя. Думаю тут, вспоминаю, а время летит. А надо как в оиме, никого, ничего...

Лопатка, шея... лодыжка...

Он вдруг увидел тоненькие ниточки, протянувшиеся от них к животу. Ниточки пульсировали и пропадали, вновь проявлялись, взблёскивали.

Почему к животу? И что, стукнуть себя в живот? Что за странная точка схождения? Может это обманка?

Лёшка напряг внутреннее зрение. А какое ещё зрение за веками? Только внутреннее. Нити действительно сходились у солнечного сплетения, на палец, на два ниже. Как невесомые

паутинки. Хорошо быть секретарём, всякие секреты – как на ладони, боль вот, пожалуйста. Что с ней делать только? Где кнопка, Урри?

Из набора доступных движений выберите единственно верное.

– Идём к четырём.

Это уже Штессан.

Сговорились, что ли? Комментируют. Ну и пусть комментируют. Будто он способен за пять минут вот так, с бухты-барахты!

Это ещё с ойме повезло...

Блин блинский! Хорошо, все точки связаны с животом. Что можно сделать с животом? С чем он связан? Нити-то сходятся не на поверхности, в глубине. Тут только...

Лёшка улыбнулся.

– Наш мальчик, похоже, прозрел, – сказал Мёленбек.

– Время есть, – сказал Иахим.

А Лёшка, вдохнув, медленно выпустил воздух через ноздри. Весь. И, выталкивая остатки из легких, втянул живот.

Плечи чуть опустились вниз, таз слегка просел, и болевые стяжки, оставшись без связавшего их узла, полопались с чуть слышным струнным звоном.

Дзаун-нг!

Лёшка открыл глаза, пошевелил несмело плечом, тем, под которым сидела червоточина боли, и не обнаружил неудобства.

– Ещё!

Самое смешное, он не хотел этого говорить, слово вырвалось само, раздвинуло челюсти – и фьюить! Впрочем, оно не показалось Лёшке не верным. Это поначалу было страшно, а сейчас... Зуд азарта – вот что он испытывал сейчас. Ведь разгадал, разгадал!

Расхохотался, откинувшись на спинку кресла, Мёленбек.

– Ты смотри, Иахим, ему мало!

– Ну, это ещё не сквир, – не без удовольствия сказал Штессан, – но где-то рядом.

– Я уложился? – спросил Лёшка.

– Да, – кивнул Мёленбек, – и моё обещание остаётся в силе. Но, пожалуй, я реализую его за ужином. Ты не против?

– Нет, – мотнул головой Лёшка.

– Ну и чего стоишь? – спросил Штессан. – Страшно, что ещё на стяжке? Солье, – обратился он к Мёленбеку, – может, пока отпустим его домой? Порывался же, в окно вылезал.

Лёшка покраснел.

– Я это... я уже передумал.

Мёленбек переставил фигурки на столе.

– Да, пусть идёт. Алексей, ты можешь быть свободен. До восьми. А сейчас, – он бросил взгляд на часы, висящие рядом с фальшивой панелью, – без двенадцати три. Думаю, успеешь обернуться туда и обратно.

– Заодно домашних обрадуешь, – сказал Штессан.

– Ну, наверное... – Лёшка нащупал в кармане деньги. Две триста мамане, три себе. Или наоборот? – Так я пойду?

– Беги уже.

– Спасибо.

Лёшка рванул за дверь.

– Халат не забудь снять! – крикнул вдогонку Иахим.

Халат, действительно, прилип, как вторая кожа.

Лёшка содрал его и накинул куртку, сдвинул козлы. Затем вернулся и аккуратно повесил халат на вешалку. А то потом, блин, искать. Взглядом скользнул по стене – его мазня на фоне

жёлтой, уже окрашенной верхней половины выглядела жалко. Не, так-то понятно, с чего Штессан разозлился. Кто бы не разозлился?

Лёшка вздохнул и, пообещав себе завтра с утра закрасить свой участок, вышел во двор, хлопнул железными, не закрытыми воротами.

Домой?

На улице было не жарко. Над крышами пенились облака. И казались совершенно невозможными всякие хёлинги, цоги, сквиры и прочие. Машины вон тарахтят, продуктовый с вывеской, в сквере пусто.

Лёшка даже головой помотал.

Отчего-то он решил не идти на остановку, не ждать транспорт, а пройти пешком. Сначала по Шевцова, а там по Гусарской с поворотом на Первомайскую, от которой до дома – всего ничего. Может даже и быстрее получится.

Кроссовки шоркали по растрескавшемуся асфальту. В тени домов было холодновато. В арках, захватываемых краем глаза, стыли клумбы и «запорожцы». Из раскрытого окна кафе донесся стук бильярдных шаров.

Обернувшись, он уже не увидел особняка, только край зеленого забора ещё напоминал о себе в просвете деревьев.

Наверное, провались бывшее купеческое жильё в тартарары и заменись каким-нибудь безобидным домиком, Лёшка б вздохнул с облегчением. Честное слово. Незачем было бы пытаться мысленно совместить с ним, со швейной фабрикой, с редкими пешеходами и рейсовыми автобусами странного господина Фраги, всяких Сомбалей и Шикуюков, то ли принцессу, то ли королеву (здесь не ясно) Гейне-Александр и Замок-на-Краю.

А с другой стороны – интересно же!

Ойме, кришч. Мёленбек, похожий на Карабаса-Барабаса с укороченной бородой. Штессан, легко взлетающий на козлы.

Жалко, рассказать никому нельзя!

А ещё хотелось бы узнать, как подъезжал господин Фраги к особняку – в карете или на такси? Окно ведь было открыто, но ничего не слышалось. Не из воздуха же возник? Впрочем, сидючи за панелью, звуков с улицы можно было и не уловить.

Не, это чума, если у нас тут всякие кнафуры в боевые порядки развёртываться будут. Хотя, конечно, откуда?

Размышляя, Лёшка оступился, и боль от ушибленной ступни выстрелила в бедро и противной дрожью осела где-то в районе желудка.

Н-да, это тебе не ойме.

Штессан, явно, ликрант (ха, прилепилось словечко!), но всё же мужик, видно, толковый. Пусть и с отбитым на войне мозгом. Надо тебе ойме – пожалуйста. Стяжку болевую – один момент! И всё так – тюк-тюк пальчиком...

Лёшка улыбнулся.

Вдруг остро захотелось обратно. Куда? В сказку, блин! В полный сюр! Защищать Гейне-Александр и империю! В компанию к двум сумасшедшим, плетущим интриги и красящим стены. А с Фраги – к трём.

Может, этого и не хватало в жизни?

Да-да, – сказал кто-то внутри, – именно сумасшествия и не хватало.

Лёшка, помедлив, всё же свернул на Гусарскую. Особняк теперь скрылся окончательно. Город, который он знал, посмотрел в него оббитыми углами, грязными фасадами, фантиками и окурками, бордюрным камнем, окнами с разноцветными – синими, белыми, в горошек – занавесками. Он был симпатичный, этот город, только немного неухоженный. Лысели вытопанные газончики, темнела кем-то нетерпеливо сбрызнутая стена.

Ну, в сказке, наверное, тоже мочатся...

Лёшка настолько погрузился в размышления о том, откуда всё же могут быть Мёленбек, Фраги и Штессан, что Гусарская словно бы замылилась, отодвинулась на второй план; ноги куда-то шли, а дома меняли окраску и этажность. Поэтому когда навстречу ему из арки вылетела невысокая, белобрысая фигура, он успел только выставить ладони.

Фигура ударила его в плечо, поймала за руку и потащила обратно к перекрестку.

– Давай-давай.

Лёшка как-то и не подумал сопротивляться. Фигуру он узнал и удивился прихотливости случая. Месяца два уж не виделись. Мятая рубашка с коротким рукавом, измызганные понизу спортивные штаны.

– Ромыч, блин! – оказавшись за углом, Лёшка выдернул руку из пальцев брата. – Ты чего?

Ромка прижался к стене затылком. Несколько секунд он просто дышал, глядя на Лёшку пустыми глазами человека, отбежавшего марафонскую дистанцию. Вздыхалась грудь. Кровь медленно отливала от лица. Наконец брат моргнул, и взгляд его сделался осмысленным.

– Лёш, помоги, а?

Глава 3

– Чем помочь? – спросил Лёшка.

– Эта...

Ромка умолк.

Там, откуда они только что ушли, раздались быстрые шаги, шорох одежды, затем щёлкнула зажигалка.

– И где этот мелкий сучонок? – затянувшись, спросил кто-то невидимый.

Городской шум, полный машинных звуков и звуков всякой, имеющей свой голос мелочи, странно отдалился, и Лёшке стали слышны притоптывания, бряцанье браслета часов, покашливание того, к кому обращался курильщик.

– Сдриснул куда-то.

Собеседник виновато шмыгнул носом.

– Ты у меня сейчас сам сдриснешь, – курильщик затянулся снова. Каблук впечатался в тротуар. – Ну что, направо, налево?

Они замолчали, видимо, выбирая направление поисков.

– Тонна есть? – шепнул Ромка, дёрнув Лёшку за рукав.

– Чего?

– Тысяча.

Лёшка зачем-то кивнул. Хоть отдельно живущий, но брат. Не Динка-скотинка, во всяком случае. Не врать же. Правда, и нет между ними почти ничего общего. Ну, два года назад подушкой душил... И вообще – ни дня без войны в прошлом.

Сделалось стыдно. Помнит Ромка, не помнит? Рука сама полезла в карман.

– На.

Брат неуверенно улыбнулся. Осторожно, поглядывая на Лёшку, словно ожидая обмана, вытянул купюру из пальцев.

– В долг, ага?

Лёшка шевельнул плечом. Повеселевший Ромка подмигнул и рванул за угол.

– Парни, парни, я здесь! Я не хотел, честное слово... Как бы шутка была, – заговорил он, сближаясь с теми, кто его искал.

– Да ты борзый! Ну-ка, пошли с нами, – весело объявил курильщик.

– Да есть у меня деньги!

– А мы и посмотрим.

Судя по звукам, Ромку взяли за шиворот рубашки.

С полминуты Лёшка простоял, не решаясь выглянуть. Не твои, блин, проблемы, – скреблось в голове. Ты вообще сейчас тонну потерял. Тонну! Вот так взял и отдал. Вернет тебе Ромка? Ага, братишка, жди!

Мурашки бежали по плечам и шее.

Страшно. Не сквир я, подумалось, уж точно не сквир. Так бы нырнуть за угол и в два приёма... Лёшка сглотнул. Нет, здесь не ойме. А он – не Штессан. Ему ещё до Штессана, блин... Не получится.

Когда он всё же высунул голову, у провала арки, из которой навстречу ему выбежал брат, никого уже не было. Белел лишь свежий окурок, придавленный каблуком.

Ну а чё? Они вполне дружелюбно общались с курильщиком...

Лёшка, оглядываясь, перешёл улицу. Конечно, если бы Ромка закричал... А так он у них, наверное, стырил что-нибудь.

На душе, впрочем, было противно. То ли от растерянности, вжавшей его в стену, то ли от потери денег. Тонна! А еще мамане отдать!

Чтобы вообще не видеть злополучную арку, на Гусарскую Лёшка не вернулся. Затопал по изгибающейся не в ту сторону Шевцова в поисках удобного проходного двора. Можно было, конечно, сделать еще больший крюк...

Где-то здесь, в слепой кишке улицы, окаймлённой старенькими двухэтажными домами, жила Ленка Линёва, первая любовь, все дела. Снеговика, помнится, вместе лепили. Записки друг другу писали. Портфели-бантики. Класа до четвертого, кажется, дружили, потом Лёшка как-то... остыл, что ли. Даже не понятно, как вышло.

И чего вспомнилось?

Он остановился. Глаза по памяти нашли и дом, второй от крытого сельскохозяйственного рынка, и узкое окно с синими занавесками, справа от газовой трубы, огибающей подъезд. В окне кажется горела лампочка. Светло, не очень-то разглядишь.

У Ленкиных родителей была двухкомнатная, и ей досталось целое, безраздельно владимое царство в четырнадцать метров. Лёшка, обложенный довесками в виде Динки и Ромки, жутко завидовал. Может, поэтому в конце концов и раздружился? Перестал провожать...

А после пятого они оказались в разных классах. В местном отделе образования что-то там уплотнили, перекроили, оптимизировали, и в том, другом классе сделали специализацию – химико-биологический уклон. Лёшка же химию не переваривал.

На этом всё и закончилось.

Лёшка сплюнул, побил асфальт пяткой. Надо будет хотя бы номер Ленкин узнать. Посидим, поболтаем, вспомним... Как подружки маманины. Ах, как было раньше! Ах, вернуть бы!

Он хмыкнул.

Первый двор вывел его в параллельный Шевцова переулок, короткий и глухой. Длинное, окрашенное в бурый цвет здание какого-то склада или базы с нишей, закрытой шлагбаумом, перегородило путь. За зданием потянулся забор с пропущенной поверху колючей проволокой, завернувший Лёшку в какую-то другую тьмутаракань, в частный сектор с грядками и замшелыми домиками.

Бабулька, ковыляющая навстречу, на вопрос, как выйти к Первомайской, замотала головой в пуховом платке:

– Не знаю, милоч. Недавно переехала.

Мимо протарахтел грузовик, подскакивая на стыках бетонных плит.

Примерно представляя, куда нужно идти, Лёшка запылил по обочине мимо забора, развернувшегося новой гранью – воротами и коробками гаражей за ними.

«Автосервис», «Шиномонтаж», «Запчасти».

Из-за ворот пахло то бензином, то машинным маслом, то шашлыками, сидели на лавочках чумазые механики со стеклянными глазами, звенело железо о железо, кашлял чахоточный мотор, делал паузу и снова кашлял, из будок с мутными стеклами подозрительно щурились на Лёшку небритые или усаые люди.

Забрёл. Вляпался. Нет чтоб по Гусарской...

Метров через двадцать Лёшка заметил, что за ним как бы сами по себе идут два парня – один повыше, другой поплотнее, руки в карманах коротких спортивных курток.

Сердце зачастило. Лёшка невольно ускорил шаг, но дурацкий забор всё не кончался и свернуть было некуда, разве что в огороды через дорогу.

И кто в этом виноват? Он, Лёшка? Ничуть! Ромка. Потому что из-за него он забрался сюда и из-за него сейчас может влипнуть. Недоушил, блин, подушкой!

Лёшка глянул на преследователей искоса, как бы рассматривая дом, и перешёл на трусцу. За спиной зашаркали торопливее, стараясь не отстать.

Уроды!

Забор выгнулся лесенкой. Дюралевые листы украсились рекламными плакатами, приглашающими на концерты и ярмарки. Ага, Лёшке сейчас как раз до них. Просто необходимо, про-

сто очешуительно! Затем впереди как спасение возник островерхий теремок магазина, но сзади тут же припустили, надеясь не дать жертве первой добраться до дверей. Лёшка прибавил, хватая воздух сухим ртом. Воздух драл как наждак. В молчании, в шорохе подошв летели метры. Только преследователи сокращали расстояние быстрее, чем бежал Лёшка.

И никого! Пустота. День деньской, а все повымерли. Ну не уроды ли?

Несколько мгновений он слышал, как парни все явственней дышат ему в затылок, а потом понял, что еще чуть-чуть, и его или схватят за плечо, или собьют подножкой. До магазина оставалось метров десять. Может кто в витрину хотя бы заметит?

Ладно. Всё. Он больше не может. Лёшка резко остановился.

– Ну...

Его обдало ветром чужого движения, ткань чиркнула по ткани, парни промчались мимо, один, характеризуя Лёшку, бросил короткое слово с окончанием на «...дак». Их кроссовки выбили торопливую дробь из дощатого крыльца. Дын-дын-дом. На двери магазина-теремка звякнул колокольчик.

– Вы открыты ещё? – услышал Лёшка сквозь туман в голове. – Можно два пива?

Облегчение накатило слабостью.

Вот он придурок-то! Не по его душу гнались. Колени подогнулись, и Лёшка, как старичок, у которого прихватило сердце, нащупал опору в виде фонарного столба.

А он уж решил, что враги Мёленбека...

Дыхалка – дрянь, вот что. Быстро устаю, подумал Лёшка, втягивая воздух сквозь зубы. В горле стояла колкая сухость. Слюны не было. Может сока купить?

Он посмотрел на двери магазина. Парни, что спешили к закрытию, как раз вышли, переговариваясь и прихлёбывая бутылочное пиво. Они неторопливо спустились с крыльца, стриженные, лет по двадцать с лишним.

– Закрыто уже? – спросил их Лёшка, отлипая от столба.

– Ага, – ответил один. – А ты чё тормознул?

– Задохнулся.

– Ну, теперь тебе ещё квартал пилить, до ларька. Ларек круглосуточный, но выбор там фиговый. Немецкого, например, нет.

– Ясно.

Парни неторопливо пошли обратно вдоль забора, вяло обмениваясь репликами то ли о футболе, то ли о хоккее.

– А вратарь? Вратарь – дырка. Дырище. Дырень. Но нет, именно его, конечно, и надо ставить. И, главное, все же видят, что он в плохой форме...

– Да-а, в душу нагадили конкретно.

Лёшка ни футбол, ни хоккей не любил, ну, если только с Тёмкой побазлантий, поэтому определить вид спорта не смог. Вроде и не играл вчера никто. Это Тёмка фанател, а он так. Может они вообще «пляжников» обсуждали.

Живот вдруг подвело, и Лёшка вспомнил, что сегодня ел только картошку с огурцами, и то утром. Мамаля оставила без бутербродов, молочница – без молока. Так, честно, и скопытиться можно быстро.

Вчерашний суп, интересно, ещё остался?

Дома снова на полную отрывались мультипликационные герои. На этот раз не говорящие лошади, а девочки-феи с большими глазами и крыльями бабочек.

– Дина! – взревел из коридора Лёшка.

– Ладно-ладно, подумаешь, – отозвалась сестра, убавляя звук с пульта. – Ты же вообще приходить не хотел.

– Отпустили на обед, – сказал Лёшка, торопливо разоблачаясь.

Бамс! – первый кроссовок уткнулся в обувной шкафчик. Шлёп! – перевернулся на коврик вверх подошвой, освобождая ступню, второй.

Динка выбежала в прихожую.

– И как на работе? – отставив ногу в красном колготке, она прижалась к косяку.

– Нормально, – Лёшка прошёл на кухню. – Чё, суп ещё не схомячили?

– Мама его тебе оставила.

– Во-от, понимает. А ты со своими мультиками...

Лёшка вдруг решил, что даст мамане две тысячи. Если бы не Ромка, то, может, и все три отдал бы. Где ему тратить, если он все время будет проводить в особняке? Хотя, если честно, ночевать у Мёленбека не хотелось. Ни компьютера тебе, ни ти-ви. Кровать скрипучая. Идиотское условие, вообще-то.

Лёшка достал кастрюлю из холодильника и слил остатки супа в глубокую эмалированную миску. Жир поплыл по поверхности супа непрочными льдинками.

– А что ты там делаешь?

Динка, увязавшись, села за кухонный стол.

– Ойме, знаешь, что такое? – спросил Лёшка, ставя миску на плиту.

Сестра мотнула головой.

– Вот и молчи тогда.

– Дурак, – Динка надулась и принялась скрести по скатерти ноготком. – Я вообще тебя не люблю! Ты вот должен меня защищать!

Лёшка фыркнул.

– От кого?

Газ под миской расцвел голубыми лепестками.

– От Эдика Салаватова! – сказала сестра, и глаза ее наполнились слезами. – Он меня знаешь, как ударил? Прямо под лопатку!

Лёшка сел за стол.

– Дай сдачи.

– Ага, он знаешь, какой сильный!

– Хорошо, – сказал Лёшка, – покажешь мне его, я ему тоже дам под лопатку.

– А можешь завтра? – обрадовалась Динка.

– Не знаю. Если отпустят. А вдруг ты ему просто нравишься?

– Вот ещё!

Суп скоро закипел. Лёшка погасил газ и надел рукавицы-прихватки. Даже через ткань ладоням было горячо. Миска парила.

– Динка, – скомандовал Лёшка, – доску подложи.

Сестра, гримасничая, сняла разделочную доску с гвоздика, но придержала её на весу.

– А пожалуйста?

Лёшка хотел было прикрикнуть, чтоб не идиотничала, что если он обожжется или испортит скатерть, то ей уж точно достанется. Но неожиданно подумал, что сквир бы так не сделал.

И вообще, трудно ему что ли?

– Пожалуйста, – вздохнув, сказал Лёшка. И добавил: – Только живей, ага? А то я возьму своё слово обратно.

– Ладно.

Динка положила доску, и Лёшка опустил миску.

– А вот эта штучка твоя – это что? – спросила Динка.

– Ты про хельманне что ли? – Лёшка обнаружил хлеб в хлебнице и отрезал себе внушительных размеров краюху.

– Про кругленькую.

– Это секрет. Ты это... – Лёшка качнул головой. – Иди уже мультики смотри.

– Блин!

Динку выдуло из кухни.

– И не блинжай! – крикнул ей вслед Лёшка. – Разблинкалась, блин.

От кого научилась?

Жижа позвонил, когда суп уже был съеден, и миска познакомилась с раковиной.

– Как дела? – грустно спросил он.

– Привет. Да нормально вроде.

Лёшка посмотрел на миску, затем сбрызнул ее моющим средством и включил воду.

– А-а, это супер, – без энтузиазма сказал Жижа. – У тебя не найдется пятисот рублей?

– Ого, запросы растут!

Прижимая телефон ухом к плечу, Лёшка губкой прошёлся по стенкам миски.

– Да это не запросы, – запыхтел Жижа. – Я продуктов обещал купить, а деньги... ну, в общем...

– Ясно.

– Так у тебя есть?

Лёшка вздохнул и сполоснул миску от пены.

– Есть.

Голос Жижи радостно дрогнул.

– Я верну тебе в следующем месяце. Ты выйдешь?

– А может ты поднимешься?

– Не, не в кайф. Ты это... можешь, со мной до магазина? Чтобы меня в игровые автоматы не потянуло.

– Блин, у тебя запросы. Ладно, – Лёшка вытер руки. – Сейчас спущусь.

Он заглянул в комнату. Динкины феи негромко плевались молниями и взмахивали палочками, сама Динка что-то усердно раскрашивала в альбоме.

– Мама когда будет? – спросил Лёшка.

Сестра посмотрела на него со взрослым укором.

– Не знаю. Наверное, как обычно. Только она на тебя обиделась.

– Бу-бу-бу.

Накинув куртку, Лёшка вернулся на кухню и выложил в ящик кухонной тумбочки две тысячных купюры. Пусть. По крайней мере, честно.

– Я еще вернусь! – крикнул он, захлопывая дверь.

Жижа стоял под прилепившимся к козырьку плафоном, грустный, волосатый, гипнотизирующий взглядом сигаретный окуроч, брошенный кем-то мимо урны. Увидев выходящего из подъезда приятеля, он вытянул из кармана ладонь.

– Привет.

Лёшка пожал Жиже руку.

– Ну что, пошли?

– Только не в «Комету», там дорого. Давай в эту...

– В «Пятёрочку»?

– Ага.

Они двинулись мимо ограждающих барьерчиков. За барьерчиками что-то уже вовсю цвело, вовсю разбрасывало соцветия и играло красками.

– Дались тебе эти автоматы, – сказал Лёшка, пиная пивную пробку. – Не в первый раз же уже влипаешь.

– Да как-то... – Женька пожал плечами. – Все джекпот хочу срубить. Только не получается. Рядом бродит.

– Ты б завязывал.

– Да знаю, – скривился Жижа. – Что я, тупой что ли?

– Ну, так сразу сказать нельзя...

Они пересекли по «зебре» улицу, оставив позади стеклянную коробку торгового центра. На широких ступеньках центра приплясывали, непонятно что рекламируя, две двухметровые поролоновые белки: одна рыжая, а другая почему-то черная.

– Черная – это явно скунс, – сказал Женька.

– Белка после пожара, – выдвинул версию Лёшка.

– Тогда это промо-акция пожарной службы.

«Пятёрочка» пряталась в глубине двора за утыканной спутниковыми антеннами десяти-этажкой. У торца стоял фургон, из него разгружали запаянные в целлулоид бутылки лимонада и колы.

– А у тебя как дела? – спросил Жижа.

– Нормально. Сегодня красил стену.

– Фигасе! Я думал, ты секретарём устроился.

– Там сложнее, – сказал Лёшка. – Я сегодня всё точно выясню. Ты случайно не слышал таких имён: Фраги, Сомбаль, Шидуак? Гейне-Александра?

Жижа покачал головой. Стекланные створки «пятёрочки», впуская, распахнулись перед ними. Загородка, ряд шкафчиков, целый «поезд» из сцепленных тележек.

– Может слова знаешь – ойме, кришч, сквир, кнафур?

Жижа взял пластиковую корзинку.

– Это они тебе там втирают? – спросил он.

– Я просто пытаюсь сообразить, откуда это может быть. Это ж не английские слова, не немецкие. И имён я таких не слышал. Ладно бы там Бессон...

– Или Шварценеггер!

– Хотя бы. А так – даже не знаю.

Они пошли вдоль полок с молочными продуктами, Женька взял упаковку сметаны и брикет сливочного масла.

– Хочешь версию?

– Давай, – кивнул Лёшка.

Жижа свернул к хлебному стеллажу.

– Им что-то от тебя надо, – сказал он. – Причём надо, чтобы ты им всё отдал сам.

– Что отдал?

Жижа пожал плечами и сунул в корзинку батон и половинку ржаного.

– Не знаю. Мне кажется, тут хитрая комбинация. Придуманы слова, придуманы какие-то личности. Ясно, что не просто так. Ещё штука эта костяная.

– Хельманне, – сказал Лёшка.

– Засеки, и для неё своё слово. Они перед тобой явно спектакль разыгрывают. У тебя нет богатого дяди где-нибудь за границей?

– Тогда уж сначала занялись бы отцом.

– А может дядя завещал миллионы именно тебе?

– Ага, граф де Сазон! И зачем так сложно? Я ж случайно их объявление увидел. А не увидел бы? Что, домой заявились бы?

– М-да... – Женька задумался. Они обошли ещё несколько отделов, прибавив к продуктам в корзинке бутылку растительного масла, полкило молочной колбасы и сырную нарезку. – Тогда, честно, не знаю. А ты можешь поподробней?

Лёшка вздохнул.

– Не могу, Женька. Мне сказали, чтобы я особо не распространялся.

– Корпоративная этика? – хмыкнул Жижа.

– Скорее, из соображений безопасности.

– Точно что-то нечисто, – уверенно заявил приятель, прихватил пакет сахарного песка, и они направились к кассе.

Лёшка отдал Женьке пятьсот рублей.

– Погоди.

Жижа умотал обратно к стеллажам и вернулся с десятком яиц в картонной коробке.

– Всё?

– Ага. Яйца из головы вылетели.

Лёшка фыркнул. Забавно. Они расплатились. Вышло даже меньше четырехсот. Женька вручил Лёшке сдачу.

– Может, оставишь себе?

– Что я, себя не знаю? – вздохнул Жижа, стягивая пакет с нагруженными в него продуктами с ленты. – Так и долг меньше. Вот если бы пива ещё...

– Здесь не продадут, – сказал Лёшка.

– Это понятно. Может, до ларька? Тут недалеко есть.

«Пятёрочка» снова распахнула двери, теперь уже на выход. Ребята сошли по ступенькам. Прокатила коляску женщина, выстукивая палочкой по асфальту, просеменил старичок.

– Так что, до ларька? – повторил вопрос Женька.

Лёшка задумчиво кивнул.

– Если меня дурачат, то очень натурально, – сказал он.

– Бывает. Значит, за куш можно и подурачиться.

– Понимаешь, есть такие вещи, про которые нельзя сказать, что это дурачество.

– Ну, какие, например?

Ожидая ответа, Жижа повернул голову. Лёшка вдруг показался ему резко повзрослевшим, посерьёзневшим, очертились губы, скулы. В глазах появилась странная озабоченность.

– Эй, – осторожно позвал Женька.

– Что? – Лёшка моргнул и стал прежним. – За пивом?

– Ну!

Ларёк притулился к автобусной остановке и больше всего напоминал обитую вагонкой конуру, увенчанную прямоугольной вывеской с надписью «Колосок». Лёшка не удивился, когда обнаружил, что и пожилая продавщица внутри похожа на бульдога. Как она на них не гавкнула, не понятно. Чудо. Когда Жижа – он все-таки повыше, попрезентабельнее, с тонкими усиками над губой – спросил пива и сунул в окошко сто рублей, лицо её приобрело оскорблённое выражение, несколько секунд она сверлила глазами сначала Жижу, а потом и Лёшку, но все же, поджав губы, как великое одолжение протянула баночную «балтику».

Жижа дурашливо поклонился. Женщина махнула на него кулаком.

– Ещё попросите у меня!

– На десятку обсчитала, – сказал Жижа, ссыпав мелочь в Лёшкину ладонь.

Они уже порядком отошли от ларька и возвращаться не стали. Потопали через дворы к Жижиному дому. Порывами, шелестя листвой, налетал ветер. На заасфальтированной площадке малышня пыталась играть в футбол.

Пиво было холодное.

– Слушай, – сказал Жижа, – хочешь, я с тобой к ним схожу?

– Зачем? – спросил Лёшка.

– Ну, у меня глаз на фуфлю намётан.

– Лучше тебе вообще там не появляться. Ещё меня подставишь.

Они помолчали.

– Меня тут механиком зовут, – глотнув пива, сказал Жижа. – Ну, наладчиком игровых автоматов. До осени.

– А платят сколько?

Женька вздохнул.

– Чисто символически. Зато играй, сколько хочешь.

– Так без выигрыша же.

– То-то и оно.

Они с торца обогнули «Комету», перешли улицу у стройплощадки и остановились у Жижиного дома – длинной панельной пятиэтажки древних семидесятых годов постройки. Вид у неё был обшарпанный и пятнистый.

– Ну, что, – подал руку Женька, – пойду я.

– Ага, давай.

Лёшка посмотрел, как Жижа, продернув ручки пакета к локтю, скрывается в подъезде, и достал мобильник. По часам на экранчике было около шести.

– Алло, мам, – произнес он в трубку, набрав вызов, – ты когда будешь?

Сначала ему показалось, что маманя даже разговаривать с ним не хочет, но затем усталый голос ее прорвался сквозь хрип помех:

– ...ёша, тебя плохо ...но.

– Когда будешь, говорю.

– ...наю. После восьми...

– Ну, я уже уйду. Я тебе там две тысячи в тумбочке оставил. С аванса.

– Спасибо.

От этого простого слова, такого, как оказалось, нужного, даже необходимого, ком вдруг вспух у Лёшке в горле.

– Ты это... прости меня, – сказал он.

На том конце помолчали.

– ...лушай, Лёш, возьми мои ...тарые перчатки, отне... ..те Вере. Она обещала их...

Лёшка сморщился, пытаясь понять смысл.

– Перчатки? А где они?

Он медленно пошёл в сторону дома.

– Наверху, где шапки. Толь... с краю.

– Ясно. А я суп доел.

– Тебе и ос... ..чуешь там?

– Да, так нужно. Ты не беспокойся. А перчатки я завтра отнесу. Сегодня не получится.

– Ну, ладно. Пока, Лё...

Квартира была закрыта, и Лёшка, отпирая дверь, подумал, что Динка, наверное, опять убежала с подружкой изводить морскую свинку. Они её, бедную, закромят, и она, разумеется, помрёт. Не, на месте Гошана он начал бы поститься. С другой стороны, может быть они растят из него пони?

Лёшка поржал над собственной шуткой.

Перчаток на полке с шапками не оказалось, но он сообразил про антресоли и там, среди меховых чудищ, присыпанных нафталином и ждущих новой зимы, выловил-таки искомое. Одна перчатка была как новенькая, зато у второй кожа лопнула в двух местах на ладони, у а большого пальца разошлась по шву. Как тут можно починить, Лёшка не представлял. Ладно. Он убрал перчатки в карман куртки. Если Мёленбек завтра на час-другой отпустит, он днем занесёт их тете Вере. Или же вечером.

Жрать не хотелось. Играть не хотелось. Минуты ползли как дохлые ишаки. Зажмурившись, Лёшка попробовал выйти в ойме, но и тьма была какая-то не такая, цветная, вспыхивающая зелёными и фиолетовыми пятнами, и тело все время ощущалось: то чесалось, то щёлкало, то подёргивалось, самостоятельное, блин.

Одноклассники в интернете хвастались приключениями, родительскими машинами, девчонки навывкладывали фоток («Я в Праге», «Я в Москве», «Я в лесу», «Мой котик», «Мой

пёсик»), и Лёшка заценил те, где девчонки были в купальниках. Наташка Колесникова – это, блин, было что-то! Хочешь изойти на слюну, спроси меня, как. Повздохав, он поискал страничку Ленки Линёвой и не нашёл. Возможно, она вообще не была зарегистрирована в сетях. Подумав, Лёшка оставил сообщение на форуме её класса, попросив народ поделиться номером телефона. Вдруг повезёт.

Ближе к семи он вытянул из-под кровати спортивную сумку. В шкафу обнаружилось отделённое от остального, приготовленное маманей бельё – двое трусов, две футболки, рубашка, светлые брюки. Лёшка добавил к ним шорты-бермуды. А что? Пожалуй, классно будут смотреться на фоне камзолов и панталон.

Он постоял ещё, жалея, что не может взять компьютер. Н-да, на ноутбук надо копить. Ноутбук взял, и пофиг.

Вернувшись Динка сразу усакала на кухню, чтобы через минуту с гигантским бутербродом выйти в прихожую.

– А ты что, поел? – поинтересовалась она ехидно.

– Поел, – Лёшка застегнул куртку.

Карман с перчатками вздулся, как беременный.

– А миску тоже съел?

– Вымыл.

– Ты же не моешь! – округлила глаза Динка.

– Кто сказал? – Лёшка попытался щёлкнуть сестру по лбу, но она отёрнула голову. Шустрая, блин!

– Сам сказал, – она показала ему язык.

– Ну, значит, я лошара, – сказал Лёшка.

Динка захохотала как ненормальная.

– Хе-хе-хе, – передразнил её Лёшка. – Закрывайся, давай.

Солнце спряталось за облачной пеной, поджаривая ее снизу. Воздух казался белесым, словно в него накурили.

Интересно, подумалось Лёшке, что там у них происходит по ночам, если обязательно моё присутствие? Не оргии же. Мёленбек ещё, конечно, представлялся в роли любителя сладкой ночной жизни, но Штессан... Штессан в воображении Лёшки рисовался исключительно с прямоугольным щитом римского легионера и коротким мечом... как, блин, его! Гладиусом. Проверочное слово – гладиолус, ага. В какой-то другой ипостаси, вроде постоянно валяющегося на диване пьяного, как Женькин родитель, главы семьи или смешивающего коктейли в клубе беспечного мажора Валерки Тымчука, Лёшка, хоть убейте, Иахима не видел.

А Штессан, кстати, убить ещё как мог!

К особняку на Шевцова Лёшка пришёл на десять минут раньше, но ждать не стал: сначала дернул дверь за ручку (оказалось, заперто), затем пробарабанил костяшками пальцев.

Открыл дверь Мёленбек. На нём был красный бархатный камзол с серебряным узорным шитьем и темно-красными обшлагами. Лицо его было торжественно, борода расчёсана, глаза смотрели строго и слегка сквозь.

– Проходи.

Лёшка вдруг оробел.

– Я, блин, вот... чуть раньше.

Мёленбек нахмурился.

– Блинов не надо. Секретарю не престало.

Он посторонился. Лёшка прошёл, расстегнул и повесил под внимательным взглядом свою куртку. Маманина перчатка выпала, и он, краснея, утолкал её обратно в карман.

– Извините.

– Проходи в обеденную, – жестом показал Мёленбек.

Лёшка посмотрел на влажно блестящий линолеум и скинул кроссовки.

– У вас тапок-то нет? А то дальше натопчу.

Мёленбек посопел.

– Штессан! – крикнул он зычно. – На черта ты вымыл полы? У нашего молодого секретаря случился приступ совестливости.

Лёшка даже обиделся.

Вот нифига себе! – подумалось ему. Ну и бородач! Только попроси меня о хельманне ещё, только попроси!

– Штессан!

– Что? – появился в дверях обеденного зала Иахим.

Куртку он сменил на белую рубашку с рукавами-воланами, а ремень – на алый пояс. Кинжал, впрочем, так и остался висеть в ножнах, зацепившихся за пояс медным кольцом.

– Наш секретарь заметил твою работу, – сказал Мёленбек.

– И поэтому дуется и прячет глаза? – хмыкнул Штессан.

– Я вообще не по этому, – буркнул Лёшка.

– Он обижается на меня, – наклонившись, словно по секрету, сказал Мёленбек.

– Почему?

– Он думает, я его позорю.

– А ты не позоришь?

– Нет, – сказал Мёленбек. – Это называется – провокация. Должен ли секретарь вестись на провокации – вот вопрос.

– А что вы сразу! – взвился Лёшка.

– В первую очередь, Алексей, секретарь должен думать, – сказал ему Мёленбек, уставившись на него своими черными, навывкате глазами. – Некто Солье Мёленбек сказал тебе нечто обидное. Но почему он это сказал? В чём состояла его цель? Руководствовался он эмоциями или расчётом? Вот что должно тебя занимать. Понятно?

Пристыженный Лёшка кивнул.

– Прекрасно, – Мёленбек причмокнул губами. – Тогда подумай и скажи мне, так в чём был мой расчёт?

Лёшка посмотрел на Штессана.

Штессан был как скала, пойми там, что на лице у камня. Камню пофиг. Ну, ладно, подумал Лёшка. Если Мёленбек говорит о расчёте, значит, был расчёт. То есть, он знал, что я обижусь. В прошлый раз Иахим сам сказал, мол, не снимай обувь. А тут полы... Я же вижу, что чистые.

Мёленбек вздохнул.

– Алексей, ты долго?

Лёшка усиленно почесал лоб.

– Погодите.

Если Мёленбек знал, как я среагирую, значит, он хотел, чтобы я по другому относился к его словам, чтобы я научился...

– Это урок, – сказал Лёшка. – Наглядный урок лучше запоминается. Особенно, если он связан с обидой или виной.

– Хорошо, – сказал Мёленбек. – Ты прав. Это именно урок. Но секретарь не должен ограничиваться одной, пусть и самой вероятной версией. Говорящий с тобой человек может иметь не один, а несколько мотивов. От разных мотивов и дальнейшие его действия будут разными. Так что с тебя ещё один вывод. Мы ждём.

– Да бли... – Лёшка вовремя стиснул зубы. – Дайте подумать-то!

– Всё остынет, – сказал Штессан.

Лёшка опустил голову.

Ещё один вывод ему, блин, заматались мысли. Не престало, видите ли, блинкать. Перейти, что ли, на оладушки? Я на что обиделся? На то, что будто бы слепой. Что, типа, не вижу, что Штессан полы помыл. Приступ у меня чего-то там. А чего следить кроссовками по чистому-то? Кому после этого – тряпку в руки...

Лёшка замер.

– Так это намёк, что мне теперь ещё и полы мыть? – обречённо выдавил он.

– Хо! – воскликнул Штессан. – Парень соображает!

– Он именно этого и боялся, – сказал Мёленбек.

– Ага, – сказал Лёшка, – я теперь секретарь-поломой.

– Вот ты вянгэ, – улыбнулся Штессан. – Рано я тебя в сквиры записал. Кому ещё полы мыть, как не самому младшему и самому неопытному?

– Воспитываете...

– В какой-то мере, – приобнял Лёшку Мёленбек. – Знаешь, сколько я в свое время за уважаемым Гохолом Петернаком кристаллов перечистил? Думаю, не одну сотню. Он их коптит, а я чищу. Он коптит, а я снова чищу. Думаю так исподтишка: да закоптится ты совсем! – он басовито хохотнул. – Но с возрастом понял такую штуку, Алексей. Любые препятствия надо воспринимать как вызов твоим возможностям их преодолеть.

– И как мне преодолеть мытьё полов?

– Я, честно говоря, тоже не понял, – сказал Штессан.

– Оба дурни, – вздохнул Мёленбек.

Они незаметно перебрались в обеденную. На столе стояла все та же глубокая чаша с цветочным рисунком, накрытая полотенцем. Но теперь к ней прибавился длинный поднос с крышкой, из-под которой одуряюще пахло жареным мясом.

– Вот как у нас было, – ликурт Третьего кнафура снял полотенце с чаши, и Лёшкиным глазам предстала гора парящего, рассыпчатого, золотистого риса. – Младшие, пока толком ничего не умеют, занимаются хозяйственными работами. Во-первых, при деле. Во-вторых, освобождают панциров от всякой такой ерунды. В-третьих, учатся терпению и смирению характера. Правильно? Правильно.

Он ложкой набрал риса в тарелку.

– А если нападение? – спросил Лёшка, отодвигая стул, чтобы сесть.

– Если нападение, сквиры встают вторым рядом. И это тоже правильно. Солье?

– Мне много не надо, – Мёленбек подал свою тарелку.

– Я знаю, сколько, – сказал Иахим и насыпал Мёленбеку вдвое больше, чем себе. – Алексей...

Всего две ложки риса упало в тарелку Лёшке.

Затем Штессан также распределил мясо. Мёленбеку достался самый большой кусок. Лёшке – два маленьких. В общем, почувствуй себя Золушкой, бл... оладушек.

Ели молча, скребя по фарфору ножами и вилками. Пили соки из пакетов.

Мёленбек, несмотря на то, что принимал от Штессана тарелку с явным неудовольствием, справился со своей порцией даже быстрее Лёшки.

– Славный ужин, – сказал он, откинувшись на спинку стула. – Помнишь, Иахим, мясо на углях в «Тёмном господине»? Вряд ли он цел сейчас.

– Я больше скучаю по «Мокрому Риверо», – сказал Штессан.

– Я не ходил в такие заведения, уж извини.

– Тебя бы и не пустили.

– Меня? Цайс-советника?

– Ну, пустили бы, – неохотно признал Штессан. – Но, честное слово, ты испортил бы там весь праздник народу.

– А это вы сейчас нарочно, да? – спросил, вмешиваясь в разговор, Лёшка. – Вы так с темы съезжаете?

– Умный парень, Солъе, – Иахим смущённо потыкал вилкой в остатки мяса.

– Алексей, я помню своё обещание, – уставился на Лёшку Мёленбек. – Только, боюсь, ты нам не поверишь.

– Ну, я знаю, что вы бежали.

– Бежали... – грустно повторил Мёленбек. – Мы из другого мира, Алексей.

От обыденности тона, которым это было сказано, Лёшку пробил озноб.

– Вы шутите, да?

– Алексей, ты же сам, наверное, пришёл к такому же выводу.

Лёшка привстал и сел снова.

– Вы, блин!.. – у него стиснуло горло, и он полез через стол за соком. Штессан подал. – Ага, спасибо! Из другого... Конечно! Их тут под кх-хажным веником!

Не договорив, Лёшка на несколько секунд присосался к пакету и даже вкуса сока, что пьёт, не почувствовал.

– Вы бы это... – он кулаком вытер губы. – Ну, что-нибудь поправдоподобнее придумали бы.

Мёленбек улыбнулся.

– Алексей, не надо ничего придумывать. Наш мир называется Ке-Омм.

– И где он? – спросил Лёшка, шурясь.

– Везде. Рядом, – сказал Мёленбек. – Представь, Алексей, ты стоишь у зеркала. В зеркале отражается та же комната, тот же стол, те же тарелки. Такой же мир. Вообрази бесчисленное множество таких отражений.

– Отражений меня?

– Мира.

– Так моего же мира.

– А теперь представь, – сказал Мёленбек, – что твоё отражение также смотрит на тебя. И также думает о тебе в зеркале.

Лёшка попробовал нарисовать себе другого Лёшку, который вглядывается ему в глаза, кривит губы, расчёсывает намечающийся прыщик на подбородке, и вздрогнул, когда этот воображаемый, второй Лёшка показал ему язык.

Бр-р-р!

Это было жутко. Поваяло детскими страшилками, которые Лёшка вроде как благополучно перерос лет семь назад. Однажды в темном-темном зеркале...

– Миры отражаются, – продолжил Мёленбек, – но, отразившись, тут же начинают жить собственной жизнью и собственным временем, становятся не похожими друг на друга, и в каком-нибудь далёком отражении некий Алексей вполне может превратиться в оленя, дерево или воробья. Или не отразиться совсем.

– Вот спасибо!

– Отражения почти не соприкасаются, между ними существует тонкая, как слой амальгамы, но непреодолимая граница. Но иногда... иногда...

Мёленбек умолк. Взгляд его стал печален. Пальцы с перстнями утонули в бороде.

– Ке-Омм, Алексей, не похож на твой мир.

Лёшка посмотрел на Штессана.

– Вы серьёзно? Это не игра? Это на самом деле?

Иахим кивнул.

– Давным-давно, – сказал Мёленбек, – когда не было ни меня, ни учителей моих учителей, слой, отделяющий Ке-Омм от одного из отражений, треснул.

– Как это?

– Как? Так не объяснить, – Мёленбек вытряхнул из рукава молочно-белый продолговатый камень с неровными гранями. – Я покажу тебе, если не боишься. Иахим...

– Ты уверен, Солье? – спросил Штессан.

– Так будет гораздо проще.

– Что ж, пойду я постучу по манекенам.

Штессан поднялся, подмигнул Лёшке и, выйдя, прикрыл за собой двери.

– Это хольмгрим, кристалл-ловушка, – сказал Мёленбек, ставя камень на тонкую, проволочную подставку. – В него можно поймать чужое сознание на несколько часов или дней. Здесь он, конечно, будет работать хуже.

Внутри кристалла плыла, заворачиваясь спиралью, искорка.

– Вы такие чистили у Петернака? – спросил Лёшка, замороженно следя за путешествующим сквозь грани светом.

– Там были сфагнгримы, кристаллы концентрации, – Мёленбек чуть поправил подставку. – Здесь другое. Ты готов?

– Это как ойме?

– Нет. Смотри на кристалл.

– Смотрю.

– Ин-ца-а-а...

Долгое «а» выродилось в шипение. Хольмгрим подрагивал на подставке, будто живой. Лёшка вдруг почувствовал, как его тянет внутрь, к медленному танцу световой искры.

– Я поведу тебя по своей памяти, – услышал он.

Затем был хлопок.

В Лёшкиных ушах засвистел ветер. Правда, Лёшка не ощущал ни ушей, ни головы, ни тела, но ему почему-то казалось, будто воздух старательно обдувает невидимое лицо.

Вместо тьмы вокруг клубилась белая мгла. В глубине ее пробегали сполохи, в стороне проглядывали разрывы, и они то появлялись, то затягивались, как проплешины в тумане или бочаги в болотине.

– Ты увидишь то, что помню я, – прозвучал из-за невидимого плеча печальный голос Мёленбека.

Ветер взвыл.

Мгла вдруг опрокинулась вверх, и далеко под Лёшкой выпукло раскинулась, развернулась земля – цветные лоскутки полей, расчерченные тонкими извилинами дорог, серые гребни гор, желтые с зеленым леса, искристо сияющий край моря.

– Это Ке-Омм. Смотри!

Земля укрупнилась, словно Лёшка опустился ниже. Раскинув крылья, пролетела мимо похожая на коршуна птица.

Промелькнула пенным буруном скалистая береговая линия, ошетичилась, отступая, стволами корабельных сосен. Дневное солнце облизало взгорки и выступы, испятнало тропки. В узкой бухте покачивался на волнах парусник. Темнел частокол на берегу. Чуть дальше, среди мешанины камня, крохотные люди смолили лодки и развешивали сети. Над косыми крышами хижин курились ленивые дымки.

– Это Дикий край, – сказал Мёленбек.

Лёшку потянуло дальше.

Сосны поредели, взбираясь на горбы холмов. Холмы скоро сменились лугами, красно-желтыми от разнотравья. Высоко залетевший шмель выжужжал сердитую жалобу. Чашей выгнулось озеро. На берегу озера возник городок – соломенные крыши, каменные башенки, в золотых бликах пролетели многовёсельные лодки.

Лёшку качнуло влево. Через лесные кущи, через холмы и заросшие остатки крепостей его перекинуло к широкой реке и понесло над ней, между обрывистыми берегами, понижающимися и сбегаящими в песчаные отмели.

– Это Кьяса, – выдохнул Мёленбек.

Река расплелась на рукава, одно по перекатам нырнуло к горам, другое юркнуло в низину, распаханную на квадраты полей, основное русло приросло домиками на сваях, а впереди забелели стены большого города, подмявшего под себя удобный, пологий склон. Мощные дороги паучьими лапками расплзлись в стороны.

– Это Гар-Кавар. Столица Речных Королей. Дед Гейне-Александры воевал с ними раньше.

За садами и целой вереницей прудов потянулись взгорья, прорезанные ущельями. У припорошенного снегами хребта Лёшку развернуло и повлекло обратно. Кьяса осталась справа, а внизу задышала под ветром степь, забелели солончаки, промелькнул городок, окольцованный стеной, горизонт заплыл маревом, проглатывающим лошадиные стада, погонщиков и их круглые юрты из жердей и шкур.

Через какое-то время степь выцвела и растрескалась, вдалеке слева выросли циклопические то ли каменные, то ли железные дуги, но Мёленбек направил Лёшку прямо, над жарким, красноватым песком и горным отрогом. За ними снова был лес, простершийся на долгие километры, и там, где он редел, проглядывали деревеньки и башенки.

– Это Ластвейг.

За цепью холмов, вершины которых усеивали развалины, открылось песчаное побережье. Под Лёшкой пронеслись черепичные крыши, причалы и корабли, затем выросли иссиня-черные, изъеденные ветрами и временем скалы. Целый город, врезанный в гору, промелькнул мимо, оставив на сетчатке глаз ряды каменных хижин, друг по другу забирающихся к небу.

Мёленбек опустил Лёшку ниже – извилистое ущелье бросило его в долину с высокой башней, десятком домиков и копиями у подножья.

– Дынжан, – сказал Мёленбек. – Здесь убили отца Гейне-Александры. Здесь легла вся его охрана и мой учитель.

От башни повеяло холодом.

– Ладно, – вздохнул Мёленбек, – пора показать тебе что-нибудь повеселее. Тридцать лет назад дед Гейне-Александры, Кристоф Лакке Твердый, наконец собрал все кошали от Пьершалота до Грунде-Карти под свою руку и основал Крисдольм.

Верхушки елей надвинулись и пронзили Лёшку. Игольчатые лапы обмахнули лицо. Бес-телесного, Мёленбек приземлил его на тропинку и подтолкнул в спину:

– Беги!

Тропинка, разматываясь, завияла среди деревьев.

Лёшке казалось, будто его, мягко поддерживая, несет ветер. Елки кончились, и распа-нулась такая ширь, что захватило дух.

С небольшого взгорка – вниз!

Полный цветов луг взрывается бабочками, тропка взлетает на мостки, зеркало ручья отражает молодое, совсем не Лёшкино лицо.

Конечно! Это же Мёленбек!

Они с Мёленбеком, коротконогим черноволосым мальчишкой, бегут мимо крепких, низких изб, вкочнут куры, вслед им мычат из клетей коровы, мальчишка-подпасок издалека, приветствуя, машет кнутом.

И... всё останавливается.

Лёшка повис посреди дороги, хлынувший ниоткуда белый туман принялся стирать все вокруг: людей, животных, ограды из жердин.

– Прости, – голос Мёленбека скрипнул, будто не смазанная тележная ось. – Это не стоило... Это совсем прошлое.

Пошёл дождь. Рядом, невидимая, хрустнула ветка. Зашумела листва.

– Вот, – сказал Мёленбек, – пусть так.

Лёшку качнуло. Мир оформился заново, обрёл глубину, только стал чуточку старше и, возможно, печальней.

День погас, холмы и поля выщвели, в темноте заплясали огоньки.

– Добро пожаловать в Крисдолм, – сказал Мёленбек. – Это южные окраины, Дынжан справа, в двух днях пути на восток, Гар-Кавар в тридцати днях пути на запад. До столицы отсюда – семь дней в карете на север, северо-запад. Надо сказать, Алексей, путешествия по здешнему бездорожью помнятся на всю жизнь. Больше, конечно, заднице помнятся, чем душе. Душу из меня вытрясло на первом же каменистом участке.

Ночь была полна стрекота и птичьих переключек.

Ветерок путался в невидимых Лёшкиных волосах, подгонял, тянул за собой. Крисдолм ночной, утренний, дневной. Лёшка проплывал через деревеньки и городки, крепости и замки. Где-то жили бедно, где-то богато. Где-то доили отощавших коз, а где-то торговали упитанными свиными тушами. На полях мокла пшеница. В садах белели незрелые яблоки. Дети постарше помогали родителям, помладше – махали игрушечными мечами или играли в салки. Старики грели кости на лавках.

Мёленбек комментировал односложно, ограничиваясь лишь названиями. Кошаль Кнеггер. Кошаль Декрат-Эгье. Кошаль Вессер. Кошаль Ливелам. Бартмуд. Рискьёффер. Сестринский лес. Гиммельлин. Темные Пути.

Мир дышал покоем.

Или нет, мир замер, как канатоходец на канате. Мгновение – и все опрокинется, закрутится, разлетится на осколки.

Лёшка это почувствовал.

Плескали водой колеса мельниц, раздувались мехи, звенело железо, пенилось пиво, хохотали в тавернах торговцы и гремели щитами панциры в летнем военном лагере.

Но...

– Ты правильно чувствуешь, – сказал Мёленбек.

В сизой дымке вдруг выросли горы, протянулись слева направо, складчатые, будто однажды поглаженные против шерсти. Дымные костры у подножий. Каменные постройки. Бездонные глотки пещер. Тихие люди в темно-красных одеждах. Мягкие сапоги. Лица под капюшонами. Лошадиные черепа на пиках.

– Голубые горы, – произнес Мёленбек. – Сейчас-то я знаю, что Тьму-Ольвангу подарил ассаям Шikuак, но раньше...

Он вздохнул.

Молочный туман, будто прибой, затопил огоньки костров.

– Там не было связи, никакой. Древнее дохлое божество и Шikuак... Знаешь, посетим-ка мы с тобой столицу, славный Паргид, город мостов и площадей, Голодной башни и Сливового сада. Запоминай, мой секретарь.

Из тумана, будто рифы из пены, поднялись широкие крепостные ворота, и Лёшку потянуло сквозь них. Блеснуло, мёдом потекло солнце. Хлынули звуки и запахи. В Паргиде было жарко. Дремал в караульной будке, бодая лбом стенку, пожилой ветеран в каске и при копье. Гремели колёса въезжающих в город повозок. На небольшом лужке у коновязи паслись лошади.

Широкая мошёная улица распахнулась перед Лёшкой и понесла его над собой. Дома из искристого серого камня и желтого песчаника выросли по сторонам. Двухэтажные, трехэтажные. Зашумела невидимая, спрятанная под мостками вода. Между домами расцвели

небольшие садочки, за оградами притаились дворы. Гостиничные вывески заскрипели, словно призывая к себе путников.

Справа улица растеклась торговым рядом, за которым выстроились лабазы и лавки. Торговля шла живо. Кричали зазывалы, сновали девушки с лотками, полными горячей снеди, катил тележку зеленщик. Вкусный дым ходил кругами, и, казалось, околдованные им, горожане потому и не спешат уходить из рядов, прогуливаются, присматриваются, дышат.

Мимо Лёшки прошагал небольшой отряд в двухцветных куртках и коротких штанах, заправленных в чулки. За ним прокатила карета – четвёрка лошадей с плюмажами, два кучера, красные колеса. Мелькнул канал. На горбатом мостике застыл с удочкой серьёзного вида мальчишка лет семи-восьми.

Дома, дома, дома. Бельё на верёвках. Цветы в горшках. Столбы объявлений. Мастерские и лавки. Пекарни и трактиры. Закопчённый, звенящий металлом оружейный цех.

Несколько длинных, окрашенных в желтый цвет зданий прятались за частоколом деревьев с раскидистыми, пышными кронами. Во дворах, на многочисленных скамейках, как воробы, сидели дети, мальчишки отдельно от девчонок.

– Гимнеты, – пояснил Мёленбек, – училища, школы.

За гимнетами потянулся парк со статуями. В центре его стояли шатры и фургоны бродячих артистов и помост с обтрёпанным лоскутным занавесом.

Далее дома встали тесно, приросли этажами. Улица, вильнув, стала забирать вверх. Окна заблестели витражами, вывески приобрели размах и позолоту. Втиснувшийся между двух пышных особняков дом с колоннами и оградкой оказался банком.

Слева из темного камня на взгорке, в окружении башенок, вырос форт со штандартом, полощущимся на шпиле, справа от него, через улицу и канал расположилось старое, сложенное из крупных, позеленевших от времени блоков здание.

– Это крепость городского гарнизона и казармы гвардии, – пояснил Мёленбек. – При захвате столицы гарнизон был сожжен.

Дальше он лишь перечислял: дом Керанти, дом Ольяно, дом Каварго, дом Кадель-и-Гранде, дом Шеми, дом Сомбалей, дом Принцев Побережья.

Дома соревновались друг с другом колоннами и капителями, окнами и пилястрами, крышами, арками, флюгерами и росписью фасадов. Лёшке так и представлялось, что их владельцы имеют общие с ними черты – то долговязую, то пышную фигуры, то выпяченную губу, схожую с балконом второго этажа.

Все дома тесным полукругом жались к широкой площади, с левого бока к которой примыкала низкая башня.

– Это Голодная башня, – сказал Мёленбек. – Раньше здесь жил Петернак, а потом я. Вид у нее, конечно, не самый лучший, но это лишь снаружи.

За площадью темнела ограда.

Лёшку потянуло к высоким воротам, на которых железные стебли и наконечники стрел свивались в арочный венок. Здесь стояла охрана – караул из четырех человек. Стеганные куртки, облегченные нагрудники, короткие мечи.

– Вперёд, Алексей, – сказал Мёленбек.

Ворота дрогнули, и венок проплыл над Лёшкиной головой.

– Я шёл здесь в последний раз три месяца назад. Правда, в твоём мире-отражении, получилось, что состарился уже на целый год.

Дорожка изгибалась перед рядом похожих на кипарисы деревьев. Деревья стояли тесно, прорастая друг в друга веретенообразными кронами. По правую руку, белела беседка, в нем сидела чопорная дама в зелёном и золотом, и, отставив мизинец, пила чай из чашки. На коленях у нее сидел кот, лениво помахивая тяжелым, перехваченным лентами хвостом. За беседкой

перекидывался через искусственный пруд лёгкий мостик. По глади пруда скользили серые, с красными хохолками птицы.

Мёленбек ничего не сказал про женщину.

Дорожка, свернув, приблизилась к широким ступенькам, над которыми навис портик. Белые колонны, новый караул. Тяжелые двери с двухцветным гербом со скрипом подались в стороны, приглашая в шорохи и сумрак.

– Сюда, господин цайс-советник.

Голос раздался слева, в мягком свечном свете обозначились рука и лицо.

Слуга пошёл впереди, Лёшку повлекло за ним, он поплыл над узорчатыми полами по темному коридору сквозь залы с занавешенными окнами с одной стороны и с смутно угадывающимися панно – с другой.

Было тихо. Хотя откуда-то налетали шепотки и скрипы, в дверях колыхались портьеры или мельком, в отблесках утаиваемого света, появлялись и пропадали темные фигуры. Свеча слуги выхватывала из темноты черные ленты, протянувшиеся над притолоками.

– Неудачный день, – сказал Мёленбек, – долгий траур по королю.

Коридор окончился ступеньками.

Слуга поднялся, придерживаясь свободной рукой за вьющиеся спиралью перила.

– Следуйте за мной, господин цайс-советник.

Второй этаж был полон людей. Из-за обилия темных одежд в полутемной, с редкими вкраплениями тусклых свечей анфиладе они казались теньями. Поблескивали украшения и ордена. Шаркали подошвы, шуршала ткань. В бокалах на узких столиках стыло вино.

Шепотки вились под сводчатыми потолками.

– Тела так и не нашли...

– Она еще храбрится, бедная девочка...

– Говорят, Второй кнафур идёт к столице, и если их не перехватят...

– Вести неутешительны, моя дорогая...

– Паргид, я полагаю, не продержится и недели...

Появление слуги вызвало некий переполох и заставило шепотки испуганно истончиться. Тени раздались в стороны, пряча глаза в пол, и Лёшка был только рад миновать их побыстрее. Бледные лица, тонкие пальцы, узкие ниточки поджатых губ.

Трусые! – подумалось ему. Какие трусы!

– Через три месяца большинство из них присягнёт Шикуюку, – сказал Мёленбек.

Анфилада закончилась коротким переходом.

Караул в арке приветствовал их дробным стуком сапожных каблучков.

– Здесь, господин цайс-советник, – поклонился слуга.

Еще один коридор. Двери. Двери. Поворот и – неуместное, невозможное в общем трауре солнце, золотым пятном застывшее на полу. Штора отдёрнута.

Лёшка даже зажмурился.

Ближайшая дверь приоткрылась, плеснув изнутри светом и возбужденными голосами.

– Солье?

Вышедший в коридор мужчина в коротком чёрном камзоле, казалось, схватил Лёшку за невидимый рукав. У него были резкие черты лица, не отталкивающие, но и не приятные. Глубокие морщины, идущие от крыльев крупного носа, стягивали губы в желчный полумесяц. Иссиня-чёрные волосы серебрились на висках.

– Как она? – спросил Мёленбек.

– Сам увидишь.

Наполненная светом комнатка оказалась мала. Все её богатство составляли высокие, до потолка, шкафы с книгами и свитками, утыканная свечами, низко подвешенная на цепи железная люстра и стол в центре. На столе была расстелена ломкая, вручную отрисованная

карта, с одного края прижатая несколькими томами в кожаных переплётках и – по диагонали, на другом конце – подносом с пузатой бутылкой темного стекла и бокалами.

Люди, склонившиеся над картой, водили пальцами по пунктирам и линиям тропок и дорог и пытались перекричать друг друга.

Людей было трое.

Ближним к Лёшке оказался полный, лысеющий мужчина лет пятидесяти, с толстыми щеками и крупным носом. Тёмно-синий камзол его поблескивал золотой нитью в вороте. Кружевной траурный бант на шее был схвачен заколкой с камнями.

– Нет-нет! – спихивал он с карты пальцы второго участника собрания. – Вы предлагаете невозможную вещь! Совершенно невозможную!

– Вот здесь!

Его оппонент, не обращая внимания на чужие руки, вонзил указательный палец в точку на карте. Резкие, отточенные манеры выдавали в нем военного. Жесткое, волевое лицо уродовал шрам, протянувшийся от губы к уху.

– Здесь нужна засада. Хотя бы ликурт с панцирами. Пусть мы ослабим гарнизон...

– Гарнизон должен быть здесь! – тут же, краснея, завопил мужчина с бантом. – Он призван защищать Паргид!

Серые глаза военного сделались злыми.

– Это Сомбаль и Кронваль, – шепнул Мёленбек. – Хранитель ключей и капитан гвардии. Один предаст, другой будет убит при прорыве хёлингов через ворота.

– Хватит!

Ладонь третьего собеседника звонко хлопнула по столу.

Он поднял голову, и Лёшка вздрогнул. Его обманула свободная куртка и волосы, аккуратно зачесанные назад. Вместо живущей в его воображении принцессы в воздушном платье, капризной дурочки с розовыми щечками, на него посмотрела девчонка где-то одного с ним возраста, бледная, с темными кругами под глазами, до смерти уставшая, но не подающая вида и держащаяся из последних сил.

– Здравствуйте, Солъе, – чуть хриплым голосом сказала она.

– Здравствуйте, Гейне-Александра.

Мёленбек поклонился, и Лёшку тоже дёрнуло вниз.

– Я рада вас видеть. Очень. У нас тут... – губы у девушки дрогнули, но она справилась с собой. – Мы строим план обороны.

– У нас катастрофически не хватает людей, – сказал приведший Мёленбека мужчина с резкими чертами лица.

– А сколько их, Шалок? – спросил Мёленбек.

– В гарнизоне – двести. Часть я отправил за крепостную стену – охранять крестьян, спешащих укрыться в Паргиде.

– А в казармах? – Мёленбек (а вместе с ним и Лёшка) повернулся к капитану гвардии.

– Тридцать семь, – хмуро ответил тот.

– Александра... – произнёс Мёленбек.

– Господин Солъе, – торопливо произнесла девушка, – посмотрите, вот здесь, здесь узко...

Она прижала пальцем бумажную складку.

– Александра, – терпеливо и мягко, как маленькому ребенку, пытаясь завладеть его вниманием, повторил Мёленбек, – послушайте моего совета: защитить Паргид невозможно. Вам нужно бежать. Я могу открыть...

– Господин цайс-советник!

Голос прозвенел струной, но Лёшке показалось, что Гейне-Александра сейчас расплечется. В ее темно-синих глазах дрожала влага.

– Алек...

– Я не могу сбежать от людей, которые мне верят!

Сказав это, принцесса отвернулась – щёлкнули по плечу стянутые в хвост волосы.

– И она осталась, – вздохнул Мёленбек. – Я не смог спасти её, Алексей. Хотя желал этого всем сердцем.

Белый туман затопил комнатку, растворил в себе стены и стол, но тонкая фигурка, обиженно отклонившая, одинокая, какие-то мгновения ещё стояла у Лёшки перед глазами.

– А теперь я покажу тебе Скрепы, – сказал Мёленбек.

Земля проступила сквозь дымку и понеслась под Лёшкой, вспухая холмами и коричнево-зелёным, с пятнами полян и вырубков лесом.

Через горы Лёшку перекидывало как через барьеры, речки посверкивали лентами. Но красноватый песок скоро рассыпался, разлетелся повсюду, перемежаясь с каменистыми участками и узкими трещинами ущелий.

Нитки дорог, грибки круглых крыш, тонкие, прерывистые линии защитных стен, полузасыпанных, погребенных.

– Это Шамигха, – сказал Мёленбек. – На давно забытом древнем языке – Кровь земли. Мы уже пролетали эти места. Но теперь возьмём севернее.

С высоты казалось, рыжий океан катит куда-то бесконечные волны.

Словно из пучин поднимались скалы, темнели перекаты и дикие берега. Караваны мохнатых животных плыли по пескам медленными, неуклюжими, нагруженными кораблями. Несколько крепостей башенками обступали оазисы.

Затем песок кончился, и, вся в щетине черного кустарника, потянулась каменистая равнина. Бурная река, извиваясь, пересекала её наискосок.

– Скрепы, – сказал Мёленбек.

Гигантские дуги, уходящие в небо и смыкающиеся с землей где-то далеко за горизонтом, Лёшку ошеломили. Они были словно бивни или рёбра издохшего исполинского мамонта, а, может быть, и слона, на котором когда-то держался этот мир. Лёшка насчитал их пять, равноудалённых друг от друга, но, возможно, Скреп было больше.

Каждая – диаметром метров в пятьдесят.

Приблизившись, Лёшка различил трещинки и выбоинки, усеявшие поверхность. Некоторые трещины ветвились. Повеяло теплом. Воздух зашипел, забрызгал искорками.

– Скрепам около пятисот лет, – произнёс Мёленбек. – Когда разделяющий слой прохудился, и чуждый нам мир врезался в Ке-Омм, великие цайс-мастера, не чета нынешним, возвели их здесь, чтобы не дать мирам совместиться. Все пятьсот лет Скрепы исправно предотвращали эту угрозу, а в Замке-на-Краю отшельником жил цайс-мастер, наблюдающий за состоянием слоя. Их было пятеро за всё это время. Ганнум, Сигвар, Эйтвир, Оммат, Телеплавк. Шестым в свой срок отправился Береванн... – Мёленбек вздохнул. – Тогда-то и появился Шикуак. Возможно, Береванн поддался его образу и впустил Шикуака в Замок. Возможно, Шикуак проник в Ке-Омм сам. Так или иначе, это существо обосновалось в Замке. Скрепы держали и его, но по одной, по две, а то и небольшими группками к нам стали перебираться твари из чуждого отражения. Они сеяли смерть и беды. Чёрно-рыжие, худые хёлинги казались непобедимыми, белоглазые, увешанные колокольцами цоги – бессмертными.

В Замок-на-Краю отправился отряд во главе с цайс-мастером Роделингом Иво и сгинул, как не бывало. Первый, Второй и Третий кнафуры по воле Кристофа Твёрдого спешно выступили к ослабшим Скрепам, чтобы предотвратить прорывы.

Шикуак, хоть и не мог покинуть Замок-на-Краю, всюду рассылал свои образы, и те пугали людей или шептали им, смущая умы и души. Те, кто принимал его, становились его орудиями. В окраинных кошалах, совсем недавно замирённых, начали зреть бунты. В Голубых горах появились ассаи и кровавые алтари, на которых людей стали резать во славу Тьмы-Ольванги...

Мёленбек замолчал.

Лёшка медленно обогнул Крепу. Земля под ним стала похожа на сложенную уступчиками чёрную плитку.

– Так, Алексей, и пал Крисдольм, – сказал Мёленбек. – Не сразу, нет. Десять лет мы как-то продержались. Скажу даже, не самые плохие это были времена. И хёлингов научились бить, и цогов приноровились замыкать в кристаллы. Ладно, я думаю, ты хочешь, чтобы я показал тебе Замок-на-Краю. Что ж, я видел его однажды. Я помню его. Мой учитель однажды показал его мне, как я показываю тебе сейчас.

Земля под Лёшкой слилась в сплошную черноту, изредка, будто изморосью, прорезаемую белыми изломами, и понеслась назад.

Лёшку качнуло.

Редкие скалы проскакивали пулями. Чудовищные складки вздувались и опадали. Свистел ветер, бросал в глаза снежную крошку и скукоженные коричневые листья. Земля дыбилась, поднималась вверх, и Лёшку тоже поднимало выше. Языки льда, изломанные, серые, поползли ему навстречу. Скоро лед накрыл землю сплошным панцирем, из которого, как оперения застрявших стрел, торчали голые ветви мертвых деревьев.

– Смотри, – сказал Мёленбек, – это здесь.

Лёшка повис над серыми, холодными льдами. Они тоже шли складками и уступами. Неведомая сила сжимала их, как и землю вниз.

– Выше, Алексей, – сказал Мёленбек.

И задрал Лёшке невидимый нос.

Над грязным льдом на головокружительную высоту, ныряя в густую облачную пену, стеной вырастала ледяная громада чужого мира. Прозрачная, синеватая, вся в белых прожилках и сколах, она казалась исполинским айсбергом, нависшим над берегом. Или, наоборот, носом заблудившегося, вмерзшего ледокола.

Отражение солнца, дробясь, желтым пятном плыло по прозрачным граням.

Несколько минут Мёленбек не тревожил Лёшку, позволяя до холода в иллюзорном животе, до мурашек на несуществующей коже насмотреться на жуткую картину. И чем дольше юный секретарь вглядывался в переливы прозрачной стены, тем больше ему хотелось очутиться как можно дальше.

От проломившегося в Ке-Омм отражения веяло ужасом. Необъяснимым, глухим, иррациональным. Полным шёпота и ледяного звона.

– А вот и Замок-на-Краю, – сказал Мёленбек.

Стена приблизилась, и каменный домик, замерший на заснеженной скале, на ее фоне казался крохотным серым пупырышком.

Дом совсем не походил на замок.

– Здесь...

Договорить Мёленбек не успел. Заряд ледяной крошки вдруг ударил Лёшку по глазам, молочная мгла, накрыв с головой, закрутила и вздёрула его вверх. Свирепо рыкнул ветер. Раздался треск. Мгла поредела, распалась на нити. В вышине появились точки и пятна, они укрупнились, расплзались в стороны, обрастали деталями, и скоро Лёшка понял, что вовсе не летит вверх, а падает, падает, падает, блин...

...И едва не свалился со стула.

Яркий электрический свет брызнул в лицо, из него кое-как вылепились обеденная комната и Мёленбек, озабоченно навалившийся на край стола.

– Алексей, ты в порядке?

Чёрные навывкате глаза глядели с тревогой.

– Я это... – Лёшка зажмурился, несколько раз моргнул, прогоняя прилипчивое фиолетовое пятно в форме каменного домика, застывшего перед ледяной стеной. – Наверное. Наверное, да.

– Кристалл сдох, – пожаловался Мёленбек. – В вашем отражении артефакты приходится использовать с большой осторожностью.

– Значит, это правда?

– Что именно?

– Ке-Омм, Крисдолъм, Гейне-Александра...

– Я думаю, я тебя убедил.

Лёшка ковырнул вилкой остывший рис.

– А она осталась жива? – с дрожью в голосе спросил он.

Мёленбек вздохнул.

– Вряд ли, Алексей. Очень мало шансов. Почти нет.

Лёшка отбросил вилку.

– А вы сбежали! – зло выкрикнул он. – Вы же могли спасти ее, но сбежали!

Мёленбек странно улыбнулся.

– В какой-то мере. Между гибелью и продолжением борьбы я выбрал второе.

– Где? Здесь? С кем вы здесь боретесь?

Лёшка вздёрнулся из-за стола.

– Сядь, Алексей, – попросил Мёленбек. – Я всё объясню.

– Вы, вы...

Лёшка отвернулся.

– Сядь, – устало повторил Мёленбек. – Ты секретарь или мальчишка? Снова хочешь уйти? Тоже сбежишь?

Лёшка, вспыхнув, мотнул головой.

– Нет. Не сбегу.

Наверху вдруг что-то грохнуло, и ему подумалось, что Штессан в боевом раже завалил на пол тяжеленную «грушу».

– Играется, – вперив глаза в потолок, произнес Мёленбек.

Лёшка шмыгнул носом, повозил ладонью по столешнице и сел.

– Я это... простите, господин Мёленбек.

– Забыл добавить слово.

– Какое? Пожалуйста?

– Блин.

Лёшка фыркнул.

– Я больше не блинкаю. Ну, как бы стараюсь.

– Вот и хорошо.

Мёленбек медленно обошёл стол и подсел ближе. Несколько долгих секунд он, закрыв глаза, не шевелился и, кажется, совсем не дышал. Камни в перстнях на скрючившихся пальцах чуть подрагивали, стреляя искрами.

– Господин Мёленбек... – решил потревожить его Лёшка.

– Постой. Сейчас... – проскрипел Мёленбек. – Я хотел сказать...

Он снова на несколько секунд замер.

– Гос... – Лёшка выскочил к раздвижным дверям. – Господин Штессан! – закричал он. – Господину Солье плохо!

Мёленбек слабо дёрнул щекой.

– Нормаль... но. Всё хорошо.

Иахим слетел вихрем.

– Солье! – он перепрыгнул через стол и поймал тяжело клонящегося Мёленбека на руки. – Что случилось?

– В каби... в кабинет, – прохрипел Мёленбек.

– Алексей! – подсаживаясь под цайс-советника, окликнул Лёшку Штессан. – Эй! Не спи. Помогай, сквир! Что рот раскрыл?

– А... да.

Скинув оцепенение, Лёшка подбежал к стулу. Вдвоём они приподняли Мёленбека и на плечах вынесли его из комнаты. Мёленбек еле перебирал ногами. Щеки его побелели, изо рта вывалился язык. Слюна пачкала бороду, капала на камзол и колени. Удивительно много было слюны.

У кабинета Штессан остановился и свободной рукой торопливо полез цайс-советнику за пазуху, затем в кармашки жилета.

– Ключ, Солье, где твой ключ?

Мёленбек дёрнулся так, что Лёшка едва его удержал. К струйкам слюны прибавилась кровь. Рука советника потянулась к горлу.

– Понял, понял, – сказал Штессан, растёгивая Мёленбеку ворот камзола.

Через мгновение ключ на тонкой цепочке повис у него в кулаке.

Дверь кабинета, казалось, бесконечно долго клацает запорами. Мёленбека била дрожь. Он был горячий, как печка. Мокрая борода облепила шею. Кровь изо рта текла и текла, собираясь в лужицу у порога.

Штессан выругался непонятными, страшными словами.

Внутри Лёшки, словно второе сердце, заколотился страх. А если Мёленбек умрёт? Что тогда? Всё кончится? И всё? Вообще всё?

Они вдвоём не смогут...

– Хёлинг в глотку!

Иахим подбил ногой неспешно отходящую дверь.

Они перенесли Мёленбека на кушетку, Лёшка подложил подушку под мокрую, какую-то скользкую голову. Мёленбек закашлялся, плюясь кровью.

– Кристалл, – прохрипел он. – В я... в ящике...

Брызги полетели во все стороны. Лёшку чуть не стошнило.

– Где, в каком ящике? – заорал Штессан, тормоша закатившего глаза цайс-советника.

Лёшка отступил, сел на подлокотник кресла и съёжился.

Пальцы на руках, красные от крови, слиплись. Ощущение большой беды, против которой не можешь ничего, придавило, стиснуло горло.

Холодно. Всё? Всё?!

– Солье!

Штессан не собирался сдаваться. Нет, только не Штессан! Он оглянулся на Лёшку, бессмысленно таращащего глаза в пустоту, плотоядно щёлкнул зубами, и с размаху ударил Мёленбека открытой ладонью по щеке.

– Ну же, Солье! В каком ящике?

Не дождавшись ответа, Иахим рычащим зверем прыгнул к столу и принялся с мясом выворачивать внутренности из тумб-оснований. Силы у него было много. Звенело железо хлипких замков, взлетали бумаги и банкноты.

Освобождённые от мусора ящики с треском приземлялись на пол. Трах! Бах! Форменное вредительство.

– Это? Это?

Ощеренный, дикий Штессан вернулся к кушетке, держа в руках расшитый кожаный кошель. Распустив горловину, он высыпал Мёленбеку на грудь и на живот десяток крупных

кристаллов. Кристаллы были тёмные и светлые. Некоторые казались желтоватыми. Каждый – размером с толстую батарейку АА-класса.

– Солье!

– Не на-а...

Мёленбек безошибочно накрыл один из кристаллов ладонью.

– Жив! – воскликнул Иахим.

– Нашли... меня, – выдохнул Мёленбек. – Нашли. Цоги. Теперь... дело времени.

Под ладонью его запульсировал слабый свет, словно включился потайной фонарик.

– Придут сюда?

Мёленбек прикрыл глаза в знак согласия.

– Да. Только пробуют слой... Пытались сейчас меня...

Он то ли застонал, то ли рассмеялся, сжимая кристалл в кулаке.

– И когда?

Штессан деловито собрал лишние камни обратно в кошель. В какое-то неуловимое для Лёшки мгновение он сделался прежним, спокойным Штессаном. Лишь вывернутые ящики, познавшие первую, жуткую перемену, белели деревянными боками.

– Три недели. Может, четыре, – Мёленбек приподнялся и сел, спустил ноги с кушетки, сплюнул тягучую слюну. – Алексей.

Лёшка среагировал не сразу. Тяжело среагировать на человека, с которым ты только что мысленно простился. Твои ладони – в его крови, а он вдруг что-то ещё требует. Зовёт.

– Да?

– Мы в скверном положении, – Мёленбек закашлялся, отобрал кошель у Иахима. – Быть рядом с нами действительно становится опасно, и я пойму...

Он встал и, покачиваясь, неуверенной походкой двинулся к столу. Из кулака всё также посверкивал свет. Правда, уже совсем слабый.

– Господин Мёленбек, – позвал Лёшка.

Он посмотрел на Штессана, но тот пожал плечами.

– Господин Мёленбек, – сказал Лёшка обходящему ящики советнику. – Если я вам нужен...

– Нужен, – сказал Мёленбек.

Лёшка собрался с духом.

– Тогда... Тогда я с вами! Я попробую!

Штессан, подойдя, взъерошил ему макушку.

– Ну, сквир, тут-то и начнутся настоящие дела!

От этих слов стало почему-то приятно и страшно одновременно.

Глава 4

– Ты должен кое-что знать, – сказал Лёшке Мёленбек.

Лицо его наконец порозовело, глаза приобрели живость, но сияние в кулаке погасло совсем. Цайс-советник разжал пальцы, и вместо кристалла на столешницу просыпалась чёрная, невесомая пыль. Смахнув её, он достал из-за пазухи белый платок.

Штессан вышел и вернулся с графином воды.

Лёшка сполз с подлокотника на сиденье, наблюдая, как Мёленбек мочит платок и, морщась, оттирает бороду, губы и шею от крови.

Белая ткань быстро пошла красными пятнами.

– Это важно, Алексей, – Мёленбек отдал платок Штессану и посмотрел на секретаря. – Я оказался здесь, потому что в некоторых местах слой, отделяющий твоё отражение от нашего, прохудился достаточно сильно. Возможно, это произошло оттого, что сдают Скрепы, или же с самого начала, когда Ке-Омм треснул, что-то передалось и миру-соседу. Но это не так важно, как то, что в твоём мире почти нет ца, силы, которую ты, наверное, мог бы назвать магической. Этот особняк...

Мёленбек прервался, подставив ладони прозрачной струйке из графина. Пофыркивая, он плеснул воду на лицо и растёр щеки, затем стянул с себя камзол и освободился от жилета, оставшись в рубашке с кружевным воротником.

– Этот особняк, – продолжил Мёленбек, усаживаясь на своё привычное место за столом, – как раз одно из таких прохудившихся мест. И он, и двор полны ца. На тебя, Алексей, как на местного жителя, ца действует по-особому, пропитывает, превращает, по сути, в ходячий кристалл. Поэтому мне так необходимо, чтобы ты ночевал здесь, вбирая ца в себя. От этого в большей степени зависят и твои способности, и моя удача. Вне особняка, боюсь, ца будет рассеиваться. И ещё... по Иахиму и другим...

Мёленбек поиграл фигурками на столешнице. Взгляд его стал рассеянным.

– Солье, ты в порядке? – спросил Штессан.

– Да, Иахим. Я просто... Не думал, что так быстро. Но слой – нет, слой здесь им быстро не пробить. Я подстраховался.

Мёленбек повертел в руках зеленоватого цвета монету.

– На самом деле, Алексей, – чуть глуше, чем раньше произнес он, – ты не видишь образ человека по хельманне.

– Но как же? – привстал Лёшка. – Вы же сами...

Мёленбек извинительно пожал плечами.

– Ты их извлекаешь по хельманне, – сказал он. – Из Ке-Омма – сюда. Я лишь чуть-чуть помогаю тебе. Направляю ца.

Лёшка посмотрел на Штессана.

– То есть, я вот... прямо оттуда, из Третьего кнафура...

– Да, – сказал Мёленбек. – И для моего плана нам нужно успеть найти трёх-четырёх человек.

– А потом?

– Потом, Алексей, ты займёшься картой. К сожалению, вытащить цайс-мастеров или первых мечников у нас вряд ли получится. Их хельманне подручные Шикуюа наверняка уже нашли и уничтожили. Тем более, кроме Фраги у меня нет другого собирателя, а он, скорее всего, нам уже не поможет. Поэтому придётся обходиться тем, что есть. А это не самые лучшие для извлечения их хозяев вещи. Но ты, Алексей, постарайся вытащить хотя бы троих. Это раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.